

ЕЛЕНА
ФЁДОРОВА

ЛУННОЕ МОЛОКО

НАУЧНО-МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Елена Фёдорова

**Лунное молоко. Научно-
мистический роман**

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Лунное молоко. Научно-мистический роман / Е. Фёдорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851676-4

В Венеции на площади Сан-Марко доктор биологических наук Альбертина Альберено знакомится с импозантным итальянцем Марио и переносится на четыре столетия назад. Ей предстоит стать дочерью венецианского художника, монахиней в монастыре, женой королевского винодела, встретиться с духами Венеции, потерять и вновь обрести любовь, спуститься в подземные пещеры, чтобы найти ответ на вопрос: что же такое лунное молоко — страшный вирус или панацея от неизлечимых болезней?

ISBN 978-5-44-851676-4

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

Альбертина	7
Марио	15
Прощание	19
Достать из-под земли	23
Юрген	26
Турнесол	29
Коронела	34
Пещера	38
Граф Сансавино	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лунное молоко

Научно-мистический роман

Елена Фёдорова

Корректор Вячеслав Фёдоров

© Елена Фёдорова, 2017

ISBN 978-5-4485-1676-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Ивановна Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Интернационального союза писателей, драматургов, журналистов и Международной гильдии писателей, Почетный работник Культуры города Лобня, автор около двухсот песен для детей и взрослых, автор тридцати шести книг на русском (девять из них для детей) и трёх на английском языке. Жанр произведений разнообразен: фэнтези, городской роман, романтика и приключения, мистика, романы в стихах, баллады, притчи, сказки, рассказы, новеллы, сценарии.

Финалист Литературных премий «Дама фантастики – 2017», «Писатель года – 2014», включена в список 100 лучших писателей. Номинирована на Национальные литературные Премии «Поэт и Писатель года», «Наследие», «Русь моя Родина», заняла первое место в конкурсе стихов им. Марины Цветаевой и второе место в конкурсе стихов о Великой Отечественной Войне.

Специальная премия V фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За крупный вклад в детскую литературу», диплом Международной литературной конференции по вопросам фантастики РосКон «За крупный вклад в детскую и фантастическую литературу», медали имени Мацуо Басё и Семёна Надсона, диплом Антуана Сент Экзюпери, сертификат участника Международной писательской конференции в Нью-Йорке. Стипендиат Губернатора Московской области в номинации «Выдающийся деятель искусств».

Проект песен для детей «Золотая страна» в соавторстве с композитором Вячеславом Гридуновым стал Лауреатом конкурса Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Забота о детях».

Работала стюардессой международных линий Аэрофлота, тележурналистом ТРК «Лобня».

Авторский сайт: <http://efedorova.ru>

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.
Книга Екклесиаста 1:9—11

Альбертина

Его звали Марио. Импозантный итальянец средних лет. Знает о своей привлекательности и пользуется этим. Голос мягкий баритон. Глаза карие, умные, пронизательные. Его улыбка заставляет её улыбнуться ему в ответ.

– Bongiorno, signorina! Come stai? (Здравствуйте, синьорина! Как поживаете?) – спрашивает Марио так, словно они знакомы сто лет.

– Così-così (так себе) – отвечает она ему, как старому знакомому.

– O-o, che peccato! (какая жалость) – восклицает он и обрушивает на неё водопад эмоций, говорит без остановки, активно жестикулируя.

Она ничего не понимает. Догадывается, что Марио её успокаивает, объясняет, что жизнь прекрасна, и огорчаться из-за временных неурядиц не стоит. Ей льстит его внимание, но все же ей хочется понимать собеседника, а не только кивать в такт его музыкальным словам. В её глазах, по-видимому, появляется недоумение, которое останавливает словоохотливого итальянца.

– Scusami. Tu non parli Italiano? (Прости. Ты не говоришь по-итальянски?) – в голосе Марио слышится растерянность.

– Sì, non parlo. (Да, я не говорю по-итальянски), – отвечает она смущенно.

– Bisogna parlare (надо говорить), – качает головой Марио. – Итальянский очень красивый язык. Не язык – музыка. Пой, и всё получится.

– Я постараюсь, – она улыбается.

Его настойчивость её забавляет. Она знает, что одного желания говорить на другом языке мало, хотя без него не обойтись. Желание побуждает к действию.

– Questo è vero! (это – правда!) – восклицает Марио.

Он читает её мысли. Или не читает. Или он это говорит в продолжение своих мыслей, что петь легко. Легко – facile.

– Верно, верно, – смеется она. – Но давай, всё же, говорить на моем языке. На понятном мне языке.

– На понятном мне, – повторяет Марио. – Prego. Con allegria. (Пожалуйста. С радостью).

Он берет её под руку и ведёт за собой совсем не туда, куда она намеревалась идти. Она понимает это не сразу, а, поняв, смеётся. Не всё ли равно, куда идти. Она просто гуляет по узким венецианским улочкам. Она мечтала заблудиться здесь, утонуть в прошлом, стать частью этого города-государства и остаться в нём.

Колокольный звон разливается по земле светом заходящего солнца, превращается в чувства, переполняет душу и блестит слезами на её глазах. Их не видно. Они спрятаны за стеклами темных солнцезащитных очков. Спрятаны ото всех, кроме Марио.

– Я тоже плачу, когда слышу эту музыку. Всегда плачу, как и ты, – он останавливается, поворачивает её к себе, смотрит в глаза через очки. Через темные стекла видит её душу, её сердце, её желания и даже скрытые обиды.

– О, сколько в тебе всего! – восклицает он. – Сколько... Но я не знаю, как тебя зовут. Постой... Угадаю... Ты – Сирена... Магдалина... Анна... Мария... Ева... Ты – женщина, синьора, донна, мадонна... Сдаюсь. Как тебя зовут?

– Mi chiamo Albertina (меня зовут Альбертина), – говорит она с улыбкой.

– Альбертина, – повторяет он нараспев, прикрывает глаза. – Да. Это правильное имя. Твоё имя. В нём – целый мир, – открывает глаза. – Идём. Теперь я могу показать тебе нечто. Ты поймёшь... Ты не побоишься попробовать лунное молоко, нырнуть в темный омут неизвестности. Не говори ничего. Не задавай вопросов. Доверься мне. Дай руку. Холодная. Боишься?

– Нет... Хотя... нет, это не страх... волнение... Предчувствие чего-то... – говорит она.

– Предчувствие – правильное слово. Пред... у тебя хорошая интуиция, Альбертина. Я рад, что ты настоящая, живая. Ты чувствуешь, сопереживаешь, понимаешь... Мы не случайно встретились с тобой на перекрестке веков, в переулке объятий. Но все объятия мы оставим на потом... Идём...

Марио повёл её за собой по безлюдным узким улочкам, похожим на загадочный лабиринт. Альбертина подумала о том, что она никогда не сможет выбраться отсюда без посторонней помощи. Запомнить бесконечные повороты просто невозможно. Дома похожи друг на друга своей серо-чёрной обшарпанностью стен с редкими оконными проёмами, за которыми прячутся беззвучие и пустота. Входные двери такие низкие, словно здесь живут лилипуты.

– Идём быстрее, – просит Марио. – Нам нужно успеть до темноты.

Она не решается спросить, почему. Её взгляд привлекает вывеска: Calle del Perdono – улица извинений.

– Какое верное название, – думает Альбертина. – Улочка настолько узкая, что не задеть идущего навстречу просто невозможно. А значит, нужно извиниться.

Её размышления прерывает Марио.

– Мы пришли. Это здесь, – говорит он, приложив ладонь к стене прямо под вывеской Calle del Perdono, и происходит нечто фантастическое. Они переносятся в другую реальность, в другое время...

Глаза Альбертины не сразу привыкли к темноте, и тем удивительнее оказалось увиденное. Они с Марио попали в сталактитовую пещеру, в причудливо-бесформенное пространство земных недр. Но как эта пещера появилась посреди Венеции, посреди города, утопающего в море, сказать трудно.

– Возможно, разгадка кроется вне всяческих гипотез, вне разумных объяснений, – думает Альбертина.

– Всё происходящее с нами станет ещё одним феноменом, который невозможно объяснить, – говорит Марио, обняв Альбертину за плечи. Она поворачивает голову и не узнает его. Перед ней другой человек. Остался только голос и озорной блеск в глазах.

– Идём, – он улыбается и тянет её за руку. – Нерукотворный подземный храм готов открыть нам свои двери, поделиться с нами своими тайнами.

В глубине пещеры вспыхивает огонь. Негромко капает вода, отсчитывая вечность. Ничто, кроме этих звуков, не нарушает тишину.

– Мы – пленники, – думает Альбертина.

– Мы странники, – говорит Марио негромко.

– Странники, – соглашается она. – Быть странницей приятней. Главное, чтобы странствования наши не были бесцельными.

– Они – не бесцельны, – говорит Марио. – Там, в глубине пещеры, где теплится огонек, находится то, что нам нужно.

– А что нам нужно? – задает она вопрос.

– Тише. Здесь нельзя задавать вопросы. Нельзя, – Марио прикрывает ладонью её рот, шепчет. – Наблюдай. Наслаждайся. Молчи...

Пещера показалась Альбертине живым организмом, дышащим и светящимся. Это неяркое свечение было сродни мерцанию звёзд, сиянию глаз и лунному отсвету на стекле. Но здесь, в пещере, стёкол нет, а есть стены, отполированные водой до блеска, на них и появляется лунный отсвет. Не просто отсвет, молоко, лунное молоко. Альбертина удивляется странному сравнению, пришедшему ей на ум.

– Да-да-да – это лунное молоко, – шепчет ей на ухо Марио. – Смотри...

Свет стал ярче, словно кто-то поднес к стене факел. На одном из причудливых наростов Альбертина увидела белоснежный налет, похожий на украшение зимнего леса. Марио аккуратно соскреб эту снежную шапку, сделал шарик, подбросил вверх, поймал, протянул ей.

– Держит лунный снежок, синьорина. Он холодный, но не растает как снег в твоих теплых руках, – улыбнулся, сделал ещё один шарик, положил в карман. – Пора. Здесь нельзя долго находиться. Холодно, и... – подмигнул ей. – Не безопасно. Время, проведённое в пещере, пролетает слишком стремительно. Задумался, задержался, забылся, и пропал... сгинул во тьме. Ты ведь не хочешь сгинуть, Альбертина?

– Не хочу... я...

– Тише... Нам туда, где свет убывает. Он теряется, чтобы мы нашлись... – сказал Марио.

Темнота наступила так внезапно, что Альбертина не успела испугаться. Сильная рука Марио сжала её руку.

– Через три шага выход, – сказал он. – Раз, два...

И вот они уже на морском берегу, откуда открывается вид на Венецию, стоящую по колено в воде. Дома приподнимают свои кружевные подола, чтобы не замочить их. Лучи уходящего солнца добавляют очарования и таинственности.

– Люблю смотреть на Венецию отсюда, – признался Марио. – Люблю её такой полураздетой, непознанной, развратной, игривой, строгой, чужой... Никогда никому не покорить её сердце, не познать её душу, не понять всего, связанного с нею. Она будет манить и завораживать своей доступной недоступностью, своей игрой света и тени, воздуха и воды, радости и слёз, памяти и забвения... Ночь придаст ей новый облик. Ночь заставит нас увидеть всё по-иному. И даже Луна станет другой. Как ты думаешь, какой?

– Белой с отсветом неона, – ответила Альбертина не задумываясь.

– Нет, – Марио усмехнулся. – Луна будет кроваво-красной. Она раздвинет тёмно облака, прольётся на землю и превратится в лунное молоко. Ты его не потеряла?

– Нет, – Альбертина показала ему свой снежок, который стал тверже и прохладнее.

– Исцеляющий лунный свет, – Марио обнял её за плечи, продолжил таинственным тоном:

– Ночь спускается к нам... Ночь выпускает на волю призраков... Их здесь много... Они живут своей забытой всеми жизнью. Они пробегают вдоль знакомых домов, скользят в гондолах по каналам, поют, смеются, ссорятся, любят, дышат и заполняют пространство своими эмоциями, своими чувствами и мыслями... Мысли человеческие материальны, как и лунное молоко, которое мы держим в руках... Страшно?

– Немного, – призналась Альбертина, поёжившись. – Наверно, нам нужно пойти туда, где горит свет, где...

– Невозможно будет узнать то, что связано с прошлым, – проговорил Марио, глядя мимо неё куда-то в неизвестность, видимую только ему.

Альбертина насторожилась. Запоздало подумала о том, что зашла с посторонним человеком слишком далеко, что выбраться из этой части Венеции самостоятельно у неё не получится. Лабиринт венецианских улочек, перетекающих в каналы и упирающихся в безглазые стены домов, ей не одолеть. Тусклый свет Луны не поможет ей отыскать дорогу к отелю, в котором она остановилась, а лишь запутает всё ещё сильнее. Альбертина это знает. Она много раз терялась в своём родном городе, поддавшись магии лунного света. Что уж говорить о ночи в Венеции, городе тайн и загадок.

– Останемся здесь. Будем блуждать до рассвета в лунных одеждах, почувствуем себя настоящими венецианцами, жителями прошлого или даже поза-позапрошлого века, – голос Марио взлетел вверх и разлился колокольным звоном.

– Звонят колокола. Спокойной ночи, – услышала Альбертина негромкую песню. Кто её пел, было непонятно. Музыка словно рождалась из колокольного звона, сливалась с ним, будоражила воображение:

День умирает, прячется во тьме,
Чтобы забыть про всё, что было,
Чтобы в копилку положить
Свои печали, радости, победы...
Уеду, улечу, уйду...
Останусь... Стану ветром...
Нет...
Оставленной гондолой на причале.
Пускай качается, как люлька,
Как колыбель, в которой время спит
И видит сны о вечном.
В этих снах реально всё...
Всё нереально, но весьма правдиво...
Игра воображенья, тень и свет...
Банальность и величие... стихи и проза,
Проза жизни, переходящей в смерть...
О смерти говорю с улыбкой...
Я не боюсь её. Я с ней дружу...
Она дала мне пропуск в этот мир,
Где даже невозможное возможно...
Не верьте, Альбертина, мне...
Жить после смерти сложно...
Скажу иначе:
После смерти жить нельзя среди живых...
А есть ли жизнь среди мертвых? вы спросите.
Отвечу: Да... Да, есть...
Но, разве это жизнь?
Конечно, нет...
Блуждать во тьме по тем же тропам грустно...
И мыслимо немислимые встречи, как карусель,
Калейдоскоп банальных повторений
Пугающих, ненужных, но...
Не избежать нам вечных превращений
Пока на землю не прольётся лунный свет
И лунным молоком не смочит губы дева,
Молящая любви...

Голос Марио слился с колокольным звоном, зазвучал громко, настойчиво, как продолжение песни:

– Своих желаний не стесняйтесь, Альбертина...
Я до рассвета никуда не сгину,
Не пропаду, не убегу, не улечу...
Вас принуждать не стану, не хочу
Привычный ритм я нарушать пока...
Канал глубокий, на небе облака...
Луна – огромным новогодним шаром...
Я шут, бродяга, пилигрим...

Я ваших глаз не вижу,
Но укор я в них уже читаю...
Умолкаю...
Вас больше, Альбертина, не пугаю
Своими мыслями, звучащими из тьмы...
Мы не знакомы... мы пока – не мы...
А вы и я... раздробленность пространства...
Разбитость на малюсенькие стекла,
На отражения в мозаичном окне,
На блики солнца, что сиять во тьме не могут...
Им попросту нельзя сюда являться до времени...
Звон колокольный стих уже...
А звон разбитого стела – знаменье вам,
Живущим здесь сейчас,
От нас, ушедших в вечность...
До встречи на мосту... На Понте де Риальто,
На улицах объятий, вздохов, взглядов...
В глаза мои смотреть пока не надо...
Ещё не время для признаний... не...
Разбитое стекло звенит во мне...

Словно подтверждая его слова, у ног Альбертины разбилось стекло. Она вскрикнула от неожиданности, прижалась к Марио:

– Уйдёте, уйдёте скорее отсюда, умоляю вас.

– Сначала – поцелуй, – он улыбнулся.

– Ах, вы, мерзавец! Вы... – она оттолкнула его, задохнулась от злости. – Зачем вы меня сюда заманили? Вы – развратник. Вы...

– Полегче в выражениях, детка, – сказал Марио раздраженно. – Согласившись пойти со мной, ты должна была понимать, что за прогулкой может последовать всё, что угодно. А я прошу не тело, и не душу, а только губы... Холодный, искривлённый злобой рот, – усмехнулся. – Люблю срывать такие поцелуи. Целуя не целую, приручаю, как приручают диких кобылиц... Не дуйся. Ты – не кобылица, а милая, наивная девица, синьора, синьорина...

– Аль-бер-ти-на, – пропели из тьмы несколько голосов.

– Я знаю. Мне подсказывать не нужно, – сказал Марио резко.

У ног Альбертины разбилось ещё несколько стёкол.

– Целуйте же скорей! – воскликнула она.

– Не буду. Я расхотел вас целовать, моё дитя. Идёмте, – Марио взял её за руку, повел за собой. – О том, что с нами было, никому ни слова. Ясно?

– Яснее быть не может, – сказала она, подумав о том, что историю любви венецианского призрака и живой девушки можно назвать балладой или сказкой. Никто не поверит в реальность произошедшего с ней сегодня. Да и зачем рассказывать кому-то о странных голосах, звучащих из тьмы, о разбитых стёклах, о лунном молоке, об импозантном венецианце по имени Марио, который раскрыл ей свои мысли, чувства и даже желания. Он жаждет любви, которая поможет ему вернуться из небытия в свет...

– Вы запутались, голубка, – сказал Марио, остановившись. – Не он просил вас о любви, а вы... вы, Альбертина, умолять должны меня о снисхождении...

– Так вас или его? – с сарказмом спросила она.

– Нас обоих, – ответил Марио без улыбки. – Нас... Мы пришли. Вот ваш отель.

– Откуда вы узнали, что я остановилась в Корте дель Азур? – спросила она растерянно.

– Венеция полна загадок, – ответил он, рассмеявшись.

Вам разгадать загадки невозможно,
А нам, ушедшим в вечность,
Они ясны, понятны, объяснимы.
Вода к каналам протекает мимо
Мостов, домой, причалов...
Здесь люди ждут, прощаются, встречаются...
Здесь наши души в звёзды превращаются...
В осколки, разбитого стекла,
Здесь говорят нам правду зеркала...
Итак...
Вы – Ангел, Альбертина.
Вам на причале Сант Анджело нужно было
На землю с корабля сойти...
Вы это сделали...
Желаю доброй ночи...
Вас дух Венеции не держит больше...

Марио исчез, растворился в темноте, словно его и не было.

Дверь отеля была заперта, Альбертина позвонила. Портье открыл, протянул ей ключи от комнаты со словами:

– Вы – единственная синьорина, которая отважилась загуляться в Венеции до полуночи. Обычно, наши гости стараются улечься спать пораньше. Люди верят в сказки и легенды, боятся духов.

– А духи есть? – спросила она с интересом.

– Конечно, – он улыбнулся. – Для тех, кто в них верит, они реальны. Для тех, кто ничего не боится, они плод чьей-то фантазии. Вы в каком ряду? О, простите, задал глупый вопрос. Вы же бесстрашная синьорина. Вы в духов не верите и правильно делаете.

– Я в них верю, – сказала она без улыбки.

– О, что я слышу? – неподдельное удивление преобразило портье. Из недовольного ворчливого старика он превратился в молодежавшего человека с сияющими глазами.

Скажи она сейчас: «Пойдемте гулять по городу», он бросит всё, помчится за нею следом, споёт серенаду, подарит розу с шипами, чтобы она уколола пальчик, а он будет его целовать страстно, нежно, неистово...

– Я верю в духов, – повторила Альбертина с улыбкой. – Доброй ночи.

– Подождите, – портье преградил ей путь. – Хочу сказать, что ваше бесстрашие мне нравится. Но, все же, будьте осторожней. Духи не любят, когда их тревожат... Не вторгайтесь в их тайны, в их чувства, в их эмоциональное пространство, синьорина.

– Звучит пугающе. Но, как я узнаю, где это пространство, в которое мне вторгаться не стоит? – спросила она, побледнев.

– Вы его почувствуете, – проговорил он, понизив голос. – Это, как электрический разряд, как искра от прикосновения к наэлектризованному предмету.

– Что делать, если эта искра возникнет? – поинтересовалась Альбертина.

– Замереть... ждать... слушать... – портье поклонился. – Доброй ночи, синьорина.

– Buona notte, – сказала Альбертина и пошла к себе.

Она распахнула окно и долго смотрела на Луну, прячущуюся в облаках. Ей не хотелось спать, хотелось надышаться воздухом Венеции, чтобы потом вспоминать каждую мелочь, каж-

дый звук, услышанный здесь. Завтра она покинет этот город. Завтра эта реальность превратится в нереальность, в сон и постепенно сотрется из памяти всё, что сейчас в ней так ярко...

Звон разбитого стекла напугал Альбертину. Она захлопнула окно, посмотрела на часы. Без четверти три. Скоро рассвет. Нужно немного поспать. Завтра долгая дорога. Альбертина разделась. Платье заискрило.

– Ну зачем он мне сказал про наэлектризованность? – простонала она. И тут же выпала. – Одежда искрит не потому, что мы вторглись в чужое пространство, а потому что она сделана из синтетических волокон. Всему есть разумные объяснения. Всему... – и чуть мягче. – Я ничего не боюсь... Я вас люблю... Я желаю вам доброй ночи... Buona notte...

Альбертина улеглась в постель и моментально уснула. А проснулась от резкого толчка, словно кто-то её разбудил. Кто? Венеция. Она захотела открыть Альбертине одну из своих многочисленных тайн, поведать историю любви, веры и прощания... Поняв это, Альбертина превратилась в зрение и слух, стала частью эмоционального пространства духов. С легкостью вошла в него, испытав при этом чувство полёта.

– Невесомость – вот чего нам всем так не хватает, – подумала Альбертина. – Мы держимся за условности. Они нас заземляют, сковывают цепями суеты и лживых обещаний. Не вырваться из этого замкнутого круга... Душа окаменеет в ожидании чуда. Не ждать его, а сделать шаг ему навстречу – вот мудрое решение. И тогда невесомость станет освобождением от оков...

Дуновение ветра, плеск воды и рассветное солнце, разорвавшее завесу тьмы, обрадовали Альбертину. Она зажмурилась.

– Скорее, скорее, скорее, – приказал вихрастый паренек, схватив её за руку. – Что ты остановилась, неуклюжая курица? Из-за тебя мы пропустим самое главное.

Альбертина не рассердилась на него. В подсознании возникло понимание того, что всё происходящее с ней сейчас – это страницы прошлого. Их общего прошлого, в котором они с мальчиком были счастливы. Тогда они были детьми... А потом? Потом – пустота, в которую они сейчас бегут. Там есть заветная дверь, за которой незнание станет знанием, заполнятся недостающие квадратики жизненного пространства. Она искренне верит, что встреча с прошлым поможет ей, подскажет нечто важное... Нужно довериться этому мальчику, ругающему её за нерасторопность.

– Скорее, скорее, скорее...

Он не бежит, летит над землей. Она старается ему подражать, путается в подоле своего длинного платья, подхватывает его, кричит:

– Ма-ри-о-о-о... смотри, я тоже умею летать!

Он смеется звонко, беззаботно. Его смех ударяется мячиком в стены домов, ныряет в канал и исчезает в мутной воде.

– Ты – не курица, не курица, – кричит Марио. – Ты – цапля, длинноногая цапля...

– А ты... ты... балбес... – она останавливается, опускает подол, прячет свои худые ноги и уже не летит, а идет следом за Марио.

Ещё пара зигзагов и они у цели. Ей не хочется спешить. Хочется продлить миг до встречи с чудом, продлить свою детскую угловатость с припухлостью губ, которые он обещал поцеловать. Пусть подождет немного. Пусть...

Марио скрывается за поворотом. Она медлит, но любопытство толкает её вперёд. Она делает шаг и замирает.

Марио стоит на коленях на краю земли и целует солнце.

– Как, как он это делает? – недоумевает Альбертина.

Неведомая сила толкает её к Марио. Она опускается рядом с ним на колени и так же, как он, прижимается губами к ало-розовому полукругу, рождающемуся из воды. Огненная

вспышка заставляет её зажмуриться. В этот момент Марио поворачивает её голову к себе и целует в губы. Земля уходит из-под ног. Альбертина становится легкой, как перышко...

– Так вот откуда это чувство невесомости! – восклицает она. – Почему же оно утрачено, забыто? Почему никогда не возвращалось ко мне прежде? Или этого прежде вовсе не было, а всё начинается именно сейчас, с этой минуты, с этого восхода, с солнечного венецианского поцелуя, с их с Марио взросления и желания утонуть в бесконечности...

Ах, не прекращаться бы этому чуду. Длиться бы и длиться этому мигу, соединяющему души с вечностью, с Творцом... Всё, что будет потом – условности, растерянное незнание, изгнание из Рая в мир греха... И наказание чёрной меткой, отметиной на доме, на судьбе, на имени забытом... Ма-ри-о...

– Пора. Идём скорее. Нас торопит время, – он поднялся с колен, помог ей встать. Она хотела что-то сказать. Он обнял её, приказал:

– Молчи... Всё сказано уже...

– А может быть, ещё не всё... – подумала она.

И новая вспышка солнца, ярчайшая до искорок в глазах, до слепоты, до умопомрачения, до... лишила её равновесия.

Музыка колоколов заставила их разжать объятия.

– Скорей, пока нас не хватились! – воскликнул Марио. – Завтра будет новый день... До завтра.

– До завтра... – проговорила она.

Возникший из небытия Марио создал для Альбертины иную реальность, о существовании которой она не подозревала. Но про эту реальность знала её бессмертная душа, вернувшаяся на землю за воспоминаниями, чувствами, искуплением грехов и прощением...

Марио

Она была дочерью художника Якобело Альберено, позировала ему для картины «Явление Вероники». Это не сделало семилетнюю девочку высокомерной. Наоборот, понимая всю обрушившуюся на неё ответственность, Альбертина стала ещё серьёзней, замкнулась, погрузилась в изучение священных манускриптов, которых в доме художника было предостаточно.

Якобело писал историю Венеции в картинах. А воспитанием дочери занималась мать. Донна Коронела старалась изо всех сил вложить в Альбертину все мыслимые и немыслимые знания. Даже теософия значилась в списке необходимых наук. У девочки не было времени на безделье, на детские игры и наивные желания.

Альбертину воспитывали в строгости без излишних сантиментов. Ей в голову не приходило попросить или потребовать что-то у родителей. Между матерью и дочерью никогда не было доверительных отношений. Альбертина знала, что говорить маме о своей дружбе с сыном плотника не нужно. А подружились они, когда мальчик принес в дом художника Альберено мольберт после реставрации. В тот день вся прислуга упаковывала картины, которые отобрали для выставки. Дом казался пустым и безлюдным. Мальчик стоял посреди внутреннего дворика и разглядывал орнамент на стенах. Увидев его, Альбертина спустилась вниз.

– Ну и долго же вы спите, – сказал мальчик раздраженно. – Передай хозяину вот это, – протянул Альбертине мольберт. – Скажи, что плотник сдержал своё слово. Работа выполнена в срок. Ничего не перепутаешь?

– Постараюсь, – она потупила взор.

– Ты красивая, – сказал мальчик, улыбнулся. – Будем знакомы. Я – Марио.

– Альбертина, – она улыбнулась в ответ.

– Хочешь со мной погулять? – спросил Марио, глядя ей в глаза.

– Хочу, но не сегодня, – щёки вспыхнули. Она редко выходила за пределы дома, но всегда мечтала узнать город таким, каким его знают простые венецианцы. Их Альбертина называла венценосцами. Она считала, что все они должны носить венки-венцы, отличающие их от вельмож. У мальчика венца не было, значит, он принадлежит к знатному роду, как и она. А раз так, с ним можно идти на поиски венценосцев, живущих в прекрасном городе Венеция.

– Я сегодня тоже не могу, – сказал Марио деловито. – Давай завтра, на рассвете. Не спишь?

– Нет. Я рано встаю, – соврала она.

– Отлично. Я приду сюда на рассвете. Arrivederci (пока)

– Arrivederci, – сказала она ему в спину.

Марио ушёл, а она осталась во дворе, стояла придерживая мольберт до тех пор, пока кто-то из слуг не пришёл ей на помощь. Мольберт отнесли в мастерскую. Якобело похвалил плотника за расторопность. Поставил на мольберт картон и быстрыми мазками написал портрет Альбертины.

– Ты сегодня несказанно хороша, мой ангел, – сказал он, поцеловав девочку в лоб. – Я не заметил, как ты повзрослела. Прости, что редко бываю с тобой. Ты знаешь, что у меня много работы. Но она никогда не вытеснит тебя из моего сердца, Альбертина. Помни об этом. Я люблю тебя, милая. Ты – моё сокровище.

– Я знаю, знаю, папа, – она прижалась к нему. – Я тоже люблю тебя.

– Если тебе что-нибудь потребуется, не стесняйся, проси. Я готов сделать всё, что ты прикажешь, мой ангел. Ты – единственная моя дочь, Альбертина, единственная наследница. Всё, что у меня есть, достанется тебе, – он поцеловал её в лоб и ушел.

А она долго смотрела на портрет, внимательно изучала себя. Отец разглядел в её лице нечто такое, чего она сама в себе не видела. Или это нечто появилось сегодня после встречи

с Марио? Необычность насторожила Альбертину. Чем больше она смотрела на портрет, тем сильнее нарастало волнение. Сердце уже готово было вырваться наружу, но этого не произошло. Рассерженный голос матери предотвратил неизбежное.

– Альбертина, вот ты где?! – увидев портрет, синьора Коронела смягчилась. – О, твой отец успел создать новый шедевр. Поражаюсь его мастерству: два-три мазка и портрет готов. А другие художники годами работают над своими картинами. Годами... Хвала небесам за талант, данный моему супругу. Идём же, дорогая, тебя давно ждёт учитель словесности...

Ещё один день ушёл в небытие. На город опустилась ночь фантастическая, тёплая, звёздная. Круглая луна смотрела в окно Альбертины и улыбалась. Она знала тайну, которую девочка скрывала ото всех. Эта ночь – последняя ночь её детства, поэтому так стучит сердечко. Альбертина ждёт рассвета, ждёт встречи с мальчиком, живущим непонятной для неё, непознанной жизнью. Ей нестерпимо хочется узнать, какая она, эта потусторонняя жизнь? Здесь, внутри большого дома, за пределы которого Альбертине выходить не позволено, всё предельно ясно, привычно, объяснимо. А там, по ту сторону высоких стен, творится нечто неподвластное её уму. Там может быть и хорошо и плохо, радостно и грустно, понятно или запутанно, непредсказуемо. Поэтому её желание вырваться за пределы привычного, объяснимо. Неизвестное манит нас к себе, открывает нам непознанные миры, раздвигает горизонты...

Едва забрезжил рассвет, Альбертина выскользнула из дома. Мальчик уже дожидался её.

– Привет, засоня, – сказал он миролюбиво, схватил её за руку. – Бежим. Не будем тратить время на болтовню. У нас его не так уж много. Пока город спит, мы можем делать всё, что захотим. А потом... не люблю это слово... Не хочу говорить о будущем... Пусть будет настоящее... сейчас, сию минуту мы живем, дышим, говорим... мы счастливы сейчас, и это – главное.

– Да... Но, мог бы ты идти помедленней...

– Зачем? Ты что, неженка? – Марио с недоумением посмотрел на Альбертину, ускорил шаг. – Чтобы везде успевать, нужно быть расторопной. Хозяева не любят ленивых слуг.

– Да, – сказала Альбертина, не решившись признаться Марио в том, что она – не служанка, а – дочь художника Альберено. Подумала:

– Сейчас не имеет значения, кто слуга, кто господин. Сейчас они с Марио равны, а потом для них не существует. Он сам так сказал. Вот и пусть для них всегда будет прекрасное сейчас, радость, счастье, очарование.

О разочарованиях Альбертина ничего пока ещё не знала. Она была ограждена от взрослой суровой правды жизни. И тем ужаснее стало для неё погружение в эту реальность потом.

– Смотри, Берта, это – Гранд Канал, – Марио остановился на краю земли. – Ты была здесь? Не-е-ет?! Глупышка. Это самое прекрасное место в Венеции. Я здесь часто бываю. Особенно я люблю, когда над водой поднимается молочный туман. Он укрывает своей пеленой противоположный берег, и ты попадаешь в новую реальность. Ты можешь придумывать всё, что угодно. Можешь представить ужасающие картины всемирного потопа, извержение Везувия, Аид, а можешь вообразить, что напротив находится Райский сад. Что скажешь, Берта?

– Я – Альбертина, – проговорила она с обидой.

– Я знаю, – он взял её за руку. – Но, понимаешь ли, Берта короче. Альбертина – скучно, длинно. К тому же, так тебя называют все вокруг. А я не желаю быть, как все. Ясно? И ты можешь придумать мне новое имя. Это будет наш секрет. Ну, что молчишь, Берта?

– Думаю над твоим именем, Рио, – она улыбнулась.

– Отлично! Рио и Берта. Мне нравится, – он опустил на колени, зачерпнул ладошкой воду, плеснул Альбертине в лицо. – С крещением тебя, девочка, – умылся остатками воды, встал. – Идём. Рассвет так стремительно проносится над миром, что порой мне хочется выпороть его как следует, чтобы он больше никогда не торопился, – рассмеялся. – Ты смотришь

на меня так строго, Берта, что невозможно удержаться от смеха. Да, я – фантазёр. Я вечно что-нибудь придумываю. Отец говорит, что из меня может получиться хороший сказочник. Но лучше будет, если я стану хорошим плотником. Это прибыльная работа. А вот за сказки много не заплатят. Болтунов в Венеции хватает. Люди плетут языками всегда и везде, – хмыкнул. – А я не желаю быть таким, как все, поэтому я помогаю отцу, но и от сказок не отказываюсь. Я знаю их столько, что хватит на целую жизнь, – подмигнул ей. – На нашу с тобой жизнь, Берта. Тебе сколько лет?

– Десять.

– А мне двенадцать. Я старше, а значит, ты должна меня слушаться... Мы пришли. Твой дом. До завтра... – сказал и исчез.

Альбертина вошла во внутренний дворик, попала в привычную обстановку и поняла, что выросла. Всё здесь показалось ей маленьким, кукольным и слишком простым. Хотя прежде каждая мелочь вызывала восторг. Она прошла к себе. До завтрака оставалось ещё несколько часов, и Альбертина решила почитать. За этим занятием и застала её мать.

– Ты так усердно занимаешься, милая, что порой мне становится стыдно за то, что я лишила тебя детства, – проговорила донна Коронела, обняв дочь. – Уговорю Якобело, чтобы он взял нас с тобой на большую регату.

– О, это было бы замечательно. Я как раз прочла о том, что Гранд Канал делит Венецию на две части, что длина его почти четыре километра, а ширина местами от тридцати до семидесяти метров. Хотела бы я посмотреть на три главных моста: Риальто, Скальци и мост Академии. Скажи, а правда, что в канал впадает сорок пять маленьких каналов – рий?

– Наверное, – донна Коронела поцеловала Альбертину в лоб. – У меня никогда не возникало желания пересчитывать каналы, дорогая. Доверимся составителю книги.

– Доверимся, – поддакнула Альбертина.

Учитель теософии сказал ей однажды, что со временем любая история обрастает новыми неожиданными, но не всегда достоверными подробностями, поэтому нужно всё подвергать сомнению.

– Венеция – это большая историческая книга, и если внимательно слушать голос города, то можно многое узнать, многое... Но вам, юная синьорина, не стоит так серьёзно относиться к моим словам, – заметив её растерянность, добавил учитель. – Всё в мире меняется. Мы меняемся вместе со временем, а вот город нас переживёт. Переживёт для того, чтобы передать свою память тем, кто будет жить здесь через несколько столетий и даже тысячелетий.

– Неужели здания не разрушатся? – спросила Альбертина, удивленно.

– Разрушатся, но не все, – ответил учитель. – Верю, что большинство дворцов сохранит свою красоту на долгие-долгие годы. Возможно, мы с тобой, Альбертина, ещё встретимся здесь на перекрестке судеб лет через пятьсот. Всё возможно в этом изменчивом мире, моя девочка, – рассмеялся. – Я слышал, что твой отец заказал плотнику гондолу. Это так?

– Да, это так, господин учитель, – ответила она.

– Прекрасная новость. Значит, ты сможешь отправиться в путешествие по Гранд Каналу и насладишься красотой архитектуры.

– Я бы хотела вначале узнать историю гондол. Вы расскажите мне её, господин учитель?

– Конечно, дорогая. История – моё любимое занятие. Итак. Гондола – легкая лодка, появилась во времена правления первого дожа в 1094 году. По утверждению одних, название её происходит от греческого слова кондуле – раковина. Другие говорят, что названа она латинским словом кумбула, что значит – небольшая лодка. Наружная обшивка гондолы ярко раскрашивалась и украшалась дорогими аппликациями. Каждый состоятельный венецианец хотел перещеголять другого. Парад тщеславия прекратил Сенат Светлейшей Республики в 1562 году. Лодки повелели красить в черный цвет. Разрешили украшать резным орнаментом только её нос. Оставили фельцы – каюты с откидным верхом, тканевой дверцей и окошками, обрамлен-

ными шнуровкой и лентами. За такими окошками обычно прячутся синьоры и синьорины, – улыбнулся. – Мне нравится смотреть на проплывающих мимо людей и размышлять над тем, кто они такие? Почему прячут свои лица? Что творится в их мыслях, сердцах, душах? Так же они черны, как венецианские гондолы или есть в них яркие краски мира, – покачал головой. – Ты заметила, Альбертина, что я всё время о чем-то думаю? Да-да... я всё время замыкаю круг на себе... Это не вежливо. Мы же с тобой говорили о гондолах. Итак. Лодкой управляет гондольер. Он стоит на небольшом возвышении на корме гондолы и толкает её вперед длинным легким веслом, которое опирается на изогнутую уключину – форколу, – учитель улыбнулся. – Надо тебе сказать, что гондольеры – это особенная категория венецианцев. Они всегда элегантно одеты, немного надменны и самолюбивы. Такое странное поведение объяснимо. Гондольеры возвышаются надо всеми сидящими в лодке. Они – хранители чужих тайн. Они прекрасные певцы, готовые порадовать каждого своим мастерством. Им нравится услаждать слух сидящих в гондоле людей.

– Так вот откуда доносятся такие красивые песни! – воскликнула Альбертина. – Мне нравится их слушать. Они то приближаются, то удаляются, то звучат громко, словно поющий стоит под нашими окнами.

– Так и есть. Канал изгибается неподалеку от вашего дома, поэтому тебе и кажется, что поют под окнами, – пояснил учитель.

Словно подтверждая его слова, пространство наполнилось музыкой. Альбертина заслушалась. А когда песня смолкла, учитель сказал:

– Гондольер пел о любви. Любовь – самое прекрасное чувство на земле. Самое прекрасное, помни об этом, Альбертина. И ещё помни о том, что любовь никогда не прекратится. А нам не стоит забывать о том, что у нас урок. Предлагаю поупражняться в чистописании. Запишем.

– Любовь превыше всего.

– Любовь превыше всего, – повторила Альбертина.

Она обмакивала перо в чернильницу и аккуратно выводила буквы. Рука писала, а мысли были далеко-далеко. Альбертина вспоминала чудесное утро, встречу с Марио, солнечный поцелуй. Неожиданное осознание того, что жизнь теперь будет другой, заставило Альбертину вздрогнуть. На бумаге появилась чёрная клякса, которую она тут же превратила в цветок подсолнуха. Рассмеялась.

– Прекрасное завершение нашего урока. Да, господин учитель?

– Да, – он захлопнул книгу. – Отдыхайте, синьорина. Увидимся завтра.

– До завтра... – пропела она, подражая песне гондольера...

Утверждать, что Альбертина вела двойную жизнь, было бы неверно. Десятилетняя девочка просто играла. Она познавала Венецию, разгадывала шарады мальчика по имени Марио – Рио, с которым они встречались каждое утро.

Всё, что с ними случилось после, стало логическим завершением их игры, их фантазий, их обоюдных желаний. О том, что это – настоящая любовь они поняли не сразу. Поначалу они просто наслаждались жизнью, радовались каждому мгновению, проведённому вместе здесь и сейчас...

Прощание

Звонок будильника ворвался в сон Альбертины, как всегда, некстати. Она открыла глаза. Гостиничный номер. Время без четверти семь. Ровно час до выхода. Альбертина встала, распахнула окно. В узком канале, вытекающем из-под здания гостиницы, отражаются старинные дома и кусочек синего неба, чуть подкрашенный рассветной краской.

– Доброе утро, Венеция! – сказала Альбертина. – Жаль расставаться с тобой, моя дорогая. Но... Мой отпуск закончился. Я буду скучать по тебе, а ты даже не заметишь моего отсутствия, потому что твои улочки заполнят другие люди. Любознательных туристов ты встретишь с таким же радушием, как и меня. О чём будут думать они, не важно. Главное, что в моём сердце будет гореть огонёк, зажжённый тобой, моя прекрасная венценосная синьора Венеция...

– Берта, Берта, Берта! – громко выкрикнул мальчуган, пробегая по мостику через канал.

Звон разбитого стекла оглушил Альбертину. Она не расслышала, что крикнула девочка, бегущая следом. Показалось, что это не её реальность, что она вновь вторглась в чужую жизнь, проникла на запретную территорию.

– Помни, помни, помни... – голос ветра слился с колокольным звоном, пробуждающим Венецию.

Альбертина закрыла окно, пошла завтракать. Хозяйка гостиницы, милая синьора преклонных лет, подала ей кофе и бутерброды, задала несколько вопросов, улыбнулась:

– Вижу, вижу, что вы уже тоскуете по Венеции. Это объяснимо. Город словно гигантский магнит, из зоны притяжения которого вырваться невозможно.

– Вы правы... Мне не хочется уезжать... – призналась Альбертина

– Мне тоже не хотелось покидать Венецию, и я осталась здесь навсегда. Купила этот дом, превратила его в маленький отель – десять комнат. Прелесть. Захотите вернуться, звоните, пишите. Я забронирую вам номер по специальной цене, как постоянному клиенту, – положила на стол визитку. – Кстати, если решите приобрести здесь недвижимость, могу помочь. Сейчас можно очень недорого купить прекрасный старинный особняк. Люди не хотят жить на воде, перебираются на материк. Скоро здесь останутся одни отели, музеи и магазинчики. Хотя, я могу ошибаться.

– Спасибо вам, синьора Коронела, я вам обязательно напишу, – сказала Альбертина, подумав, что странное имя хозяйки кажется ей знакомым. Но говорить об этом не стала. Нужно было прощаться. У пристани Сант Анджело уже стоял водный трамвайчик...

Тридцать минут до аэропорта по Гранд Каналу, главной улице Венеции, ещё на несколько мгновений продлили время единения Альбертины с городом, добавили ещё один штрих к его портрету.

Пароходный гудок прозвучал финальным аккордом:

– Возвращайся, Бер-та-а-а...

Альбертина поднялась по трапу самолёта, села у иллюминатора. Загудели моторы, самолёт взлетел, сделал круг над Венецией. Город с высоты показался Альбертине похожим на гигантскую серо-коричневую рыбу, подставившую солнцу свой бок. Гранд Канал широкой изумрудной лентой разделял этот рыбий бок на две части.

– Рио, рио, рио! – крикнул мальчик, сидящий сзади Альбертины.

– Рио – это река, – подумала она. И ударом в солнечное сплетение. – Рио – это мальчик Марио, которого полюбила дочь художника Альберено... Марио-Рио...

– С вами всё в порядке? – спросил сосед, тронув Альбертину за руку.

– Да-да, спасибо, – ответила она, закрыла глаза и увидела чёрную кляксу, похожую на цветок подсолнуха...

– Всё, всё, всё, хватит, – приказала Альбертина своим мыслям. – Я лечу домой. Меня ждут друзья, любимая работа... Мне нужно переключиться на реальность... Хватит... мистика осталась в прошлом...

Из аэропорта она взяла такси. Сидела и смотрела в окно, улыбалась, глядя на яркие краски осени. Радовалась, что ещё по-летнему тепло и солнечно. Можно будет посидеть на террасе и посмотреть на звёзды. Зазвонил телефон.

– Вернулась?! – звонким голосом Паолы спросила трубка.

– Да, еду из аэропорта, – ответила Альбертина.

– Отлично. Давай поужинаем вместе. Я к тебе приеду в шесть часов. Устроит?

– Да, дорогая, приезжай.

– Отлично. До встречи.

Машина остановилась. Шофер открыл дверцу, подал Альбертине чемодан, пожелал хорошего вечера. Она вошла в дом, распахнула окна. Ветер вспенил занавески:

– С возвращением!

Альбертина достала из сумочки белый снежок, который Марио подарил ей в пещере, сказала:

– Думаю, что тебя, мой дорогой незнакомец, нужно поместить в холодильник. Там холод и мрак, к которым ты привык. А завтра мы узнаем, кто же ты на самом деле. И тогда... – улыбнулась. – Если честно, я не знаю, что будет потом, синьор Марио... Рио...

В шесть пришла Паола. Они до темноты сидели на террасе, делились впечатлениями, смотрели на звёзды. О своём путешествии в земные недра Альбертина рассказывать не стала. Не захотела посвящать подругу в то, что сама ещё не могла понять и объяснить. Решила, что лучше говорить о понятном, вызывающем у подруги восторг и желание увидеть всё своими глазами.

– Это – правда? – восклицала Паола.

– Да, – отвечала Альбертина и показывала ей репродукции в книгах.

– Давай в следующем году поедem вместе, – предложила Паола. – Запланируем совместный отпуск, и рванём.

– Давай, – Альбертина улыбнулась. Знала, что этого не произойдет никогда. В нынешнем году они тоже хотели провести отпуск вместе, но в самый последний момент у Паолы поменялись планы. Вначале Альбертина расстроилась, а теперь рада, что планы у подруги поменялись. Она была в Венеции одна, поэтому-то они и встретились с Марио. Поэтому...

– Ладно, я пойду, – сказала Паола, поднявшись. – Завтра рабочий день. Понедельник... Не люблю понедельники... и вторники, и среды... – рассмеялась. – Люблю субботу и воскресенье. И тебя, моя дорогая Альбертина. Доброй ночи. Спасибо за подарок. Буду смотреть на эту гондолу и представлять себя плывущей по Гранд Каналу. Умеешь ты, моя милая, дарить уникальные вещицы. Обожаю тебя. Всё... Убегаю...

Она ушла, а Альбертина ещё долго сидела на террасе и слушала звуки засыпающего города...

Рабочая неделя началась бурно. Лишь в конце дня Альбертина выкроила время, чтобы сходить в лабораторию к профессору Юргену.

– Привет! Можешь посмотреть, что это за непознанная субстанция, – проговорила она, протянув ему шарик лунного молока.

– Это – холодный пластилин, – сказал Юрген, взяв шарик из её рук. – Откуда он у тебя?

– Из-под земли, – ответила она.

– Да, ладно?! – Юрген уселся к микроскопу. Долго изучал снежок, наконец повернулся к Альбертине. – Так где ты его взяла, дорогая?

– Под землёй.

– Под землёй, – повторил он и повернулся к микроскопу.

– Юрген, что ты там видишь? – не выдержала Альбертина.

– Ничего мистического, – ответил он. – Взгляни сама.

Она уселась к микроскопу. Под предметным стеклом лежала движущаяся субстанция, живой организм. Альбертине показалось, что он дышит, слышит и реагирует на перепады температуры, звук и свет.

– Фантастика! – выдохнула она. – Нам нужно идти под землю, чтобы... – осеклась. Посмотрела на Юргена. – Ты тоже об этом подумал?

– Да, – он положил ей руку на плечо. – Да, моя милая, это вещество может стать нашим спасением. Как ты его назвала?

– Лунное молоко.

– Прекрасное имя! – воскликнул Юрген. – Нам нужно его хорошенько проверить. По моему, мы на пороге грандиозного открытия. Интуиция меня ещё ни разу не подводила. А это значит, что вам, мой дорогой доктор Альберено, пора переходить в мой отдел. Теперь вы не сможете найти причины для отказа, как в прошлый раз.

– Причины найдутся, если нет желания идти на сближение, – она улыбнулась.

– Знаю, сам частенько такими приёмами пользуюсь. Но сейчас случай особенный. Согласна?

– Да. Случай особенный, лунно-молочный, – подтвердила она.

– Лунно-молочный, верно, – Юрген взял Альбертину за руку. – Я вот сейчас подумал о том, что мы пыжимся, изобретаем нечто сверхъестественное, а небеса над нами смеются. Они-то знают финал всех наших театральных постановок. Три года блужданий привели нас в одну точку. Лунное молоко – вот цель, к которой мы шли с тобой, Альбертина. Если наши исследования подтвердятся, то...

– Никаких условий, Юрген, умоляю, – она закрыла ему рот ладошкой. Он порывисто обнял её, зашептал:

– Я тот же, тот же... Я безумствую и... люблю, – разжал объятия. Сказал сухо:

– Но это к нашему открытию не имеет никакого отношения. Я буду вести себя достойно, как и положено профессору. Я готов поклясться, что не переступлю за линию горизонта до тех пор, пока моя несравненная коллега не прикажет мне этого сделать. Земля и небо останутся на своих местах до времени, времён и полувремени, – склонил голову.

– Спасибо, – она взяла его за руку. – Я...

Распахнулась дверь. В лабораторию впорхнуло юное создание, пахнущее дорогими духами обольстительницы. Создание одарило Альбертину изумленно-недовольным взглядом и лишь потом пропело:

– Ой, простите, профессор... Я не ожидала, что вы не один...

– Проходи, Николетта, доктор Альберено уже уходит, – сказал Юрген, поцеловав руку Альбертины. – Думаю, со следующего понедельника мы приступим к работе над молоком. Вам хватит недели, чтобы уладить все вопросы с руководством, доктор?

– Думаю, да, – ответила она. – До свидания. Успехов в работе...

Когда за Альбертиной закрылась дверь, Юрген строго выговорил Николетте за отвратительное поведение. Она надулась, фыркнула:

– Тебя не поймёшь, мой милый. Вчера ты меня совращал, обещал золотые горы, а сегодня... Неужели эта старушка разбередила твоё сердце своими признаниями?

– Заткнись, – сказал Юрген резко. – Здесь серьёзное заведение, а не бордель для девиц легкого поведения, не умеющих держать язык за зубами и соблюдать элементарные нормы

приличия. С сегодняшнего дня в мою лабораторию без особого приглашения входить не разрешается никому. Пошла вон...

– Что? – Николетта побледнела, поняв, что совершила самую большую глупость в своей жизни. Их отношения с профессором, которые она с таким трудом наладила, завершились провалом. Всё летит в тар-тарары. Как вернуть расположение Юргена? Что теперь делать?

Николетта вспомнила свой первый приход в лабораторию. Она ужасно нервничала в тот день. Стояла у двери, как заключённый, ожидающий смертной казни, и даже дышала через раз. Мимо прошёл моложавый мужчина, подмигнул ей, сказал что-то смешное, и мир преобразился. Николетта поняла, что вокруг обычные люди, которые ей ничего плохого не сделают. Чуть позже выяснилось, что её спаситель это тот самый профессор, руководитель их практики, которого она больше всех боялась. Николетта решила действовать. Больше года она добивалась взаимности. Профессор делал вид, что не замечает этого, казался неприступной скалой. Николетта даже засомневалась в его принадлежности к нормальной половине оставшихся в институте мужчин, но случай убедил её в обратном.

На вечеринке, устроенной в честь вручения дипломов бывшим практикантам, профессор наконец-то снял с себя привычную маску аскета и стал душой компании. Он очаровал всех, а Николетта наконец-то добилась своего. Ах, сколько ласковых слов наговорил, нашептал, напел он ей тогда на ушко. Волшебство его голоса, его нежных, уверенных движений и огненная сила страсти довершили картину счастья.

– Он мой, – решила Николетта.

После нескольких романтических ночей, проведенных в постели профессора, эта уверенность укрепилась. Николетта решила, что теперь ей всё позволено, потому что она – подруга начальника лаборатории, профессора Юргена. Работа – вздор. Главное – чувственные наслаждения. А уж в наслаждениях ей нет равных.

Оказалось, есть... доктор, имени которой она не запомнила... Оно для Николетты – пустой звук, а для Юргена? Неужели он влюблен в эту старую гримзу? Неужели он не видит, какая между ней и Николеттой колоссальная разница? Что эта старая развалина может ему дать? Да разве их можно поставить рядом? Она, Николетта – ангел, без которого профессор пропадёт. Он нарочно так грозно смотрит на неё и говорит гадости. Она чувствует это. Знает, что Юрген одумается, что ещё будет валяться у неё в ногах. Будет. Она в этом не сомневается. Пусть почувствует себя повелителем. Она потерпит, но потом отомстит ему за унижение.

– Что вы сказали? – Николетта улыбнулась.

– Пошла вон, – спокойно и сухо повторил Юрген.

Чуда не произошло. Николетта почувствовала приступ тошноты.

– Да-да, конечно, извините, – выпалила она и убежала, оставив дверь распахнутой.

– Дура... набитая... – пробубнил Юрген, захлопнув дверь.

Сел к компьютеру, создал новую папку под названием: «Лунное молоко – средство для борьбы с бактериями». Улыбнулся.

– Да, моя милая Альбертина, я знал, что мы с тобой совершим нечто особенное. Если все гипотезы подтвердятся, то наше открытие станет сенсацией века. Мы достанем из-под земли эту субстанцию. Достанем непременно...

Достать из-под земли

Больше месяца Юрген и Альбертина исследовали лунное молоко. Они провели тысячи опытов, пытаясь выделить несколько активных штаммов и антибактерий, участвующих в синтезе антибиотиков. Когда же наконец группа антибактерий была найдена, Юрген назвал её Альбертинобактерией.

– Пусть она лучше будет актинобактерией, – сказала Альбертина, нахмурившись.

– Ценю твою скромность. Настаивать не стану, – он улыбнулся. – В журнал мы запишем актинобактрия, а между собой будем звать её Альбертинобактерией.

– Прекратите ёрничать, профессор. Оставьте в покое моё имя, – приказала Альбертина. – Пусть наша бактерия называется актиной. Пусть она развивается и показывает нам всё, на что способна. Давайте соединим её с уже известными нам бактериями и посмотрим, что произойдёт.

– Вы, как всегда, приводите убедительные доводы, доктор Альберено, – Юрген посмотрел на Альбертину с нежностью. – Сдаюсь. Работаем над соединением. Уверен, наши старания будут вознаграждены.

Новые исследования длились ещё дольше, но результат стоил того. Из ста двадцати соединений сто оказались ранее неизвестными. Это был прорыв в биологии, сенсация века. Юрген ликовал, но Альбертина его радости не разделяла. Она думала о том, что маленький снежный шарик лунного молока, который дал ей Марио, это – микроскопическая частичка скрытых подземных богатств. Как их найти? Где отыскать подземные холодильники с актинобактериями? Кто отважится спуститься под землю, чтобы соскрести со стенок пещеры творожистый налёт? Что это вообще за субстанция: плесень ли это или продукт жизнедеятельности каких-то микроорганизмов? Структура и свойства лунного молока очень странные, и это делает его ещё более загадочным веществом. На разгадку могут уйти десятилетия.

– Думаю, мне нужно написать доклад, и выступить с ним на учёном совете, – обняв Альбертину за плечи, сказал Юрген.

– Да, это хорошая мысль. Но... – она отстранилась. – Я должна сказать тебе что-то важное...

– Наконец-то! – воскликнул Юрген. – Я даже сяду. Давай...

– Мы не можем заявить о своем открытии, потому что мы должны будем показать место, где находится лунное молоко, – сказала она.

– Не согласен с тобой. Зачем нам рассказывать, об этом? – он скрестил на груди руки. – Это – наш секрет, наша тайна. Достаточно того, что мы нашли молоко в подземной пещере в... – посмотрел на Альбертину.

– В Венеции, – закончила она его мысль.

– Не понял, – он поднялся. – Не шути так, Альбертина. Ты с географией дружишь? Да? Похоже, ты что-то напутала. Венеция стоит на воде. Вернее, она в ней утопает. Там нет подземных пещер... – замолчал. – Прости. Я обещал выслушать твоё признание, а сам...

– Юрген, ты должен знать, что я привезла лунное молоко из Венеции. Всё, что я говорю, может показаться нелепостью, но... Ты держишь в руках вещество, способное создать новый антибиотик, который уничтожит вредоносные бактерии и поможет восстанавливать иммунную систему человека, – заговорила она с жаром. – Наличие актины подтверждает наши исследования. Ты не станешь отрицать факта её существования. Она реальна. А вот пещера, в которой мы её нашли – миф, мистика, подарок доброго духа по имени Марио.

– Не-е-ет, – простонал Юрген, опустившись на стул. – Мы занимались этой работой полгода... Боже... Ты отдаешь себе отчёт? Ты в своём уме, Берта? – посмотрел на неё удивленно. – Почему я тебя так назвал?

– Не знаю, – Альбертина пожала плечами. – Наверное, так короче. Ты возбужден, раздражён...

– Я в бешенстве, моя дорогая, – он сжал кулаки. – Я готов убить тебя, стереть в порошок. Но я не сделаю этого. Не сделаю... И знаешь, почему?

– Потому что ты заставишь меня взять рюкзак и спуститься под землю, – ответила она с улыбкой.

– Обожаю тебя, Альбертина, – он поднялся, порывисто обнял её, поцеловал в лоб. – Нам просто необходимо найти пещеру, в которой есть молоко. И я даже знаю приблизительное направление. Меня радует, что ты понимаешь всю безответственную ответственность своего поступка. А раз так, значит, мы найдем пещеру, – ещё раз поцеловал Альбертину в лоб. – Твой добрый венецианский дух Марио не случайно показал нам это чудо. Он знал, что ты – биолог, ищущий новые штаммы антибактерий. Этот Марио прозорливый мальчик. Пока я со своими помощниками пытался отыскать наличие бактерий у глубоководных рачков, твой призрак всё разузнал и решил нам помочь. Вручая тебе снежный шарик, он, словно, сказал нам:

– Ребята, вам нужно идти в другое место. Не морское дно, а пещеры нужны вам. Пещеры – это белые пятна планеты, холодильники, гигантские консервные банки, в которых спрятана информация, накопленная за миллионы лет, – улыбнулся. – И я вынужден с ним согласиться. В пещерах всегда постоянная температура плюс три – пять градусов. Они прекрасные научно-исследовательские полигоны. Важная информация обо всех геологических процессах, происходивших на земле, хранится в пещерах на неприступной глубине. А ещё там в полной изоляции от внешнего мира без света и тепла живут уникальные организмы, способные творить чудеса.

– Вот только отыскать их могут не все, – вставила своё слово Альбертина.

– Это должно нас с тобой радовать. Чем меньше на земле учёных, посвященных в подземные тайны лунного молока, тем выше наш шанс на победу. Мы – первооткрыватели. Поэтому мы с тобой обязаны получить патент на открытие актинобактерии. А для этого нам придётся отыскать нужную пещеру и спуститься под землю.

– И в какую же пещеру ты хочешь спуститься? – спросила Альбертина.

– В Охотничью, – ответил Юрген. – Я давно к ней присматриваюсь. Не мог никак финансирование получить. А теперь есть прекрасный повод. И ещё есть повод проверить вас, доктор Альберено, в походных условиях.

– Зачем тебе меня проверять? – она усмехнулась.

– Есть такое наставление для мужчин, желающих жениться: позови девушку на рыбалку на пару дней. Если она вечером начнет готовить еду, то...

– Я готовить не начну и замуж за тебя не пойду, – отрезала Альбертина.

– Я бы не был таким категоричным на твоём месте, – пробубнил он.

– Оформляйте патент, господин профессор, это сейчас важнее, чем указывать мне моё место, – чмокнув его в лоб, сказала она и ушла.

– Вот так всегда, – простонал он, приложив руку ко лбу. – «На лбу моём твоя помада, как всепрощения печать». Как всепрощения... Хватит, профессор, не стоит начинать всё сначала. Давайте двигаться в другом направлении. Под землей, в полной темноте мы поймём, кто есть кто. Венецианский призрак всё рассчитал правильно... Ценю этого парня. С удовольствием пожал бы ему руку, но...

– Пожмёте под землей, – сказал кто-то за его спиной. Юрген резко обернулся, уронил мерный стакан, выругался.

– Нужно отдыхать, дорогой, – сказал он сам себе.

– Правильно... – похвалил его таинственный голос.

Дверь распахнулась. На пороге возникла Николетта.

– Ой, простите. Я проходила мимо, услышала звон разбитого стекла. Вам помочь?

– Да, подметите здесь, – сказал Юрген холодно и ушёл.

– У-у-ух, – Николетта сжала кулаки. – Злодей Злодеич ненавистный. Ладно-ладно, я тебе ещё всё это припомню. Я... – села на стул, на котором только что сидел Юрген. – Болван вы, профессор Юрген. Я – молодая, красивая, умная, длинноногая, а вы пялитесь на старую тётку со смешным старомодным именем Аль-бер-ти-на... Тина, плесень, тьфу... – встала. – Ладно, хватит. Не желаю больше про них думать. Лучше...

– Подмети пол, – послышался таинственный шёпот.

Николетта ойкнула, выскочила за дверь. Никого. В лаборатории тоже никого. Послышалось, наверно. Лучше думать, что послышалось и забыть про этот день. Стекло в ведро, веник рядом. Всё. Порядок. Всем пока.

– До свидания... – звоном разбитого стекла ей в спину.

Николетта, визгнула и убежала, решив, что от профессора лучше держаться подальше. Лучше вычеркнуть его из своей жизни и найти кого-нибудь более достойного. Юрген ей не нужен. Она – молода, красива, а он – старый сухарь, злобный болван с красивым титулом профессор, который всего лишь – звук разбитого стекла...

Юрген

Юрген отправил доклад о лунном молоке в ученый совет, поехал домой. Каменной глыбой навалилась жуткая усталость. Полгода они с Альбертиной работали практически без выходных, довольствовались несколькими чашками кофе и бутербродами. Захотелось нормальной еды. Он набрал номер Альбертины.

– Привет, составишь мне компанию?

В ответ многозначительное: м-м-м...

– Хочу пригласить тебя на ужин. Давай сходим в приличный ресторан, где хорошо кормят. Я готов слопать бегемота. А ты?

– Я?.. – она улыбнулась. Он это почувствовал, выпалил:

– Отлично, заеду через полчаса, – бросил трубку, чтобы Альбертина не передумала. Посмотрел в зеркало на своё заросшее щетиной лицо, скривился:

– Да, краса-а-а-вещ... Не могу понять, что во мне нашла эта глупышка Николетта? Почему она так старательно меня совращает? – рассмеялся. – Она меня совращает... мир перевернулся... Господа присяжные, заметьте, не я, солидный профессор, бегаю за смазливой девочкой, а она за мной. Мало того, эта нимфетка силком затащила меня в свою постель... Хотя, здесь стоит сделать оговорку, она – не нимфетка, а гетера... стоп, профессор Юрген, у вас нет времени на разглагольствования у зеркала. Займитесь делом...

Он сбрил щетину, надел свой любимый тёмно-синий костюм, галстук в тон, поехал к Альбертине. Когда она вышла из дома в элегантном бирюзовом платье с тонкой ниткой жемчуга, он не удержался от комплимента.

– Чем больше я узнаю вас, доктор Альберено, тем нахожу больше поводов для восхищения вами, – поцеловал её руку. – Скажи, как тебе удастся быть та-а-а-кой, – щёлкнул языком, подбирая слово.

– Обворожительной, – подсказала она.

– Сексуальной, – поправил он. – Я – мужчина и говорю по-мужски. Красивые словечки – это твоё... Ты умеешь разукрасить даже самое неприглядное так, что оно выглядит прекрасным. А я... – хмыкнул. – Если вижу, что это – дерь... ой, прости. Я опять свернул не туда. Мы приехали, – распахнул дверцу машины. – Прошу вас, синьора Альберено. Благодарю, что согласились поужинать со мной. Я забронировал столик...

Они сделали заказ, выпили по бокалу вина, обсудили предстоящее путешествие под землю и лишь потом Юрген задал вопрос, который мучил его всё это время:

– Скажи, как тебя угораздило встретить призрака в Венеции? Где ты его нашла?

– Я его не искала, – ответила Альбертина с улыбкой. – К твоему сведению, Марио вовсе не призрак. Он – реальный человек, как мы с тобой. Просто он немного странноватый, – улыбнулась. – Нет, вернее будет сказать, что он – загадочный. Он взял меня под руку на одной из венецианских улочек и повёл за собой...

– О, Мадонна! – воскликнул Юрген. – Святая простота, что я слышу?! Я не догадывался, что тебя так легко увлечь сладостными речами. Со мной ты строга и неприступна, а за болтуном пошла без страха и сомнения... – закатил глаза. – О, женщины – вы грешницы по рождению, вы...

– Юрген, мне не интересно слушать твои обвинительные тирады, – сказала Альбертина сухо. – Отвези меня домой.

– Прости, не сердись. Я – болван, это точно, – положил руку поверх её руки. – Ты пошла за ним, и...

– И попала в пещеру, где на стенах белым налётом застыло лунное молоко, – сказала она так же сухо. – Марио сделал мне лунный шарик, а потом проводил до отеля. Утром я улетела.

– Неужели вы не обменялись ни телефонами, ни поцелуями? – не выдержал Юрген. Он не верил в безгрешные отношения.

– Не все такие озабоченные, как вы, господин профессор, – парировала Альбертина. – Есть ещё нормальные мужчины.

– Ревнуешь меня к лаборантке? – Юрген улыбнулся.

– Нет, – Альбертина встала, посмотрела на него свысока. – Я знаю себе цену... Жду у машины.

– Она вне конкуренции, – проговорил Юрген, подписывая чек. Официант поддакнул:

– Вы очень красивая пара.

– Беда в том, мой дорогой, что мы – вовсе не пара, а всего лишь коллеги по работе, – Юрген вздохнул. – Меня это удручает, а её – нет. Вот такая грустная история. Спасибо. Ужин был превосходным. Скажите спасибо шеф-повару.

Альбертина стояла у машины, смотрела на звёзды. Юрген не удержался, обнял её за плечи, поцеловал в щёку.

– Спасибо, что подарила мне этот вечер. Всё было, как всегда, на высоте: и свечи, и омары, и вино Шато Талбот, и речи... И я теперь буду ждать нашей новой такой же тёплой встречи с тобой, Альбертина... Я буду ждать и мучиться и злиться на то, что ты – не женщина, тигрица, которую не просто покорить, нельзя заставить в клетке счастья жить, – распахнул дверцу машины. – Со мною что-то происходит, ты не находишь? Стихи никогда не любил, а тут – бац – заговорил стихами с изысканностью Байрона.

– До Байрона вам далеко, профессор, – Альбертина рассмеялась. – Вы влюблены – вот объяснение всему происходящему. Любовь открывает в нас скрытые таланты, делает нас другими.

– А ты, ты, Альбертина, любишь, любила? – спросил он с жаром.

– Да... – ответила она.

– Любишь?! – он сжал её руку.

– Юрген, ты вторгаешься на запретную территорию, – она высвободила руку. – Следи лучше за дорогой. Я не желаю это обсуждать.

– Не желаешь пока или совсем? – спросил Юрген с улыбкой.

– Мы приехали... – сказала она. – Спасибо за ужин.

– Рад, что хоть чем-то вам угодил, доктор Альберено, – буркнул Юрген, уехал.

Дома он швырнул на пол свой дорогой пиджак, налил виски в большой стакан, выпил залпом, приказал себе:

– Остынь, парень, остынь. Если вам нужно быть вместе, то всё получится. Если нет, не стоит строить чёртов мост, который развалится от первого же землетрясения. Иди в ванну, смой с себя все ненужные мечты и желания и успокойся. Выспись хорошенько, а утром посмотришь на мир свысока, как и положено профессору биологии, исследования которого включены в список лауреатов Нобелевской премии. Тебе нужно думать о науке, а всё остальное выбросить из головы, как мусор из помойного ведра, – показал себе язык. – Ты – прекрасный парень, Юрген, помни об этом...

Сон набросил на него свой тёмный плащ и повел за собой в подземный лабиринт Охотничьей пещеры. Чем дальше Юрген двигался по ней, открывая широкие гrotы и узкие темные лазы, тем сильнее крепла в нём уверенность, что именно здесь находится самое большое хранилище лунного молока. Он сделал несколько зазубрин на стене пещеры и собирался уже вернуться назад, но пространство видоизменилось.

Юрген оказался среди толпы на берегу Гранд Канала в Венеции.

– Зачем я здесь? Почему столько людей в старинных карнавальных нарядах? – воскликнул он. – Что всё это значит? Что происходит?

– Ежегодная регата, один из любимейших праздников венецианцев, традиция проведения которого уходит вглубь веков и теряется там... – ответило ему подсознание. – Теряется, потому что никто достоверно не скажет, когда прошла первая регата, кто решил её провести и почему?

Венецианцы подобные вопросы не задают. Они просто веселятся в этот день, радуются возможности увидеть парад судов всевозможных форм и размеров, украшенных резьбой, позолотой и символическими скульптурами. Главное место традиционно занимает большая лодка дожа – Бучинторо. За ней движутся не менее помпезные лодки местной знати, а за ними сотни гондол. После парада гондолы участвуют в гонках на расстоянии от Мотта а Каstellо до Санта Кьяры и обратно. Спущенный на воду плот у Ка'Фоскара – финишная точка регаты.

– Сегодня в гонках участвуют лодки с двумя гребцами, а раньше их было от двадцати до пятидесяти. Вот это было зрелище! – сказал человек, стоящий рядом с Юргеном. – Хотели бы вы вернуться в семнадцатый век, синьор?

– У вас есть машина времени? – сострил Юрген.

– Нет, – незнакомой улыбнулся. – Нам она не нужна. Нам с вами нужно всего лишь желание. Скажите: «Да», и время перетечёт из одной чаши в другую. Всё очень-очень просто. Информационное поле земли хранит тайны, накопленную веками, везде, а не только в Охотничьей пещере, из которой вы только что вернулись, синьор Юрген Турнесол.

– Откуда вы меня знаете? – воскликнул Юрген, забыв, что видит сон. Незнакомец рассмеялся:

– Я – архивариус вечности. Выбирайте: да или нет...

– Да, да, да...

Турнесол

Мальчик не любил свою фамилию Турнесол. Она его раздражала. Он мечтал вырасти и поменять её на другую, более благозвучную. Случай заставил его отнестись по другому к смешному слову Турнесол. Они с отцом шли по базару у моста Риальто, искали что-то особенное.

– Турнесол, турнесол, турнесол!!! – закричала рядом толстая торговка.

Отец остановился, повернул голову.

– Синьор, купите турнесол, он приносит счастье, – сказала торговка, протянув ему несколько подсолнухов. – Взгляните, сколько даров внутри каждого цветка. Никто никогда не одарит вас лучше, чем турнесол, уверяю. Это лучший подарок. Лучший...

Отец взял цветы, заплатил даже больше, чем торговка попросила. На её немой вопрос, он ответил:

– Благодарю вас, добрая женщина. Вы помогли мне получить ответ на главный вопрос, мучивший меня, а это стоит денег.

Когда они остались наедине, он обнял Юргена за плечи, спросил:

– Скажи, сынок, ты размышлял над тем, почему мы носим такую смешную фамилию?

– Да, отец, я постоянно об этом думаю, – ответил мальчик.

– И мне этот вопрос не давал покоя много лет. Но никто из родственников не мог объяснить мне, откуда произошла наша смешная на первый взгляд фамилия – Турнесол. Никто не знал, почему нашего прародителя назвали подсолнухом. Я чувствовал, что во всём есть некий смысл, скрыта тайна, но никак не мог понять, какая именно. А сегодня понял.

Наш далекий предок выращивал подсолнухи и дарил их людям. Именно дарил, а не продавал, не выменивал. Людей, которые делают добрые дела, считают простаками, глупцами и даже юродивыми. Их высмеивают, им прикрепляют прозвища, которые порой заменяют фамилию. Так, наверняка, произошло и с нашим предком. За свою доброту он стал Турнесолом. А вслед за ним Турнесолами стали все мы. Но, в отличие от основателя нашего рода, который выращивал и дарил подсолнухи, остальные поступили иначе. Они не стали дарить цветы, а дождались появления семян и получили прибыль с их продажи. А уж когда из семян решили отжимать масло, денег стало ещё больше. Небольшой клочок земли превратился в плантацию подсолнухов. Но...

В жизни каждого из нас происходит нечто такое, что заставляет нас всё начать с нуля, – посмотрел на сына. – Таким поворотным событием для наших предков стало нападение Турецкого султана. Цветущие поля подсолнечника погибли под копытами коней и колесами повозок турецкой армии. Ничего не осталось кроме смешной фамилии Турнесол и желания делать добрые дела. Дарить подарки приятнее, чем ждать даров от кого-то. Ты это скоро поймёшь, мой мальчик, – отец улыбнулся. – Эти подсолнухи мы с тобой, дорогой мой Юрген, отнесем художнику Альберено. Он болен. Может быть, наши цветы помогут ему справиться с болезнью, поднимут его настроение.

С визита в дом художника всё и началось. Юрген увидел девочку, сидящую у постели больного, и обомлел. Она показалась ему каким-то неземным созданием, случайно попавшим на землю. Услышав голоса, девочка повернула голову и вспорхнула, именно вспорхнула, со своего стула, полетела к ним навстречу со словами:

– Чудо какое – турнесол! Папа, папочка, взгляни на это чудо! Это то, о чём ты мне говорил. Это – знамение, подарок тебе. Это турнесол, тур-не-сол!!

Её голос был похож на музыку. Её движения были плавными, воздушными, ангельскими. Всё в ней было гармонично, полно изящества и теплоты. Юрген не смел пошевелиться. Стоял

соляным столпом и смотрел на девочку во все глаза. Одно слово, одна мысль была чёткой и значимой: ЛЮБЛЮ!

Всё, что происходило потом, не имело значения, было смутным, не интересным. Запомнилось только имя Альбертина Альберено и радость от того, что синьор Турнесол принёс в дом художника надежду на исцеление.

Теперь Юрген каждое утро приходил в дом художника Альберено с букетом подсолнухов. Альбертина встречала его у ворот, вела в комнату отца, а потом сопровождала к выходу. Заговорили они не сразу. Юрген никак не мог найти нужные слова. А потом понял, что важнее всего для Альбертины здоровье отца, которого она любит, поэтому ни о чём другом говорить не нужно.

– По-моему, сегодня синьор Альберено чувствует себя лучше, – сказал Юрген, остановившись у дверей.

– Да, ему лучше, – подтвердила Альбертина. – Завтра собирается консилиум докторов. Но папа не очень-то им верит. Он считает, что судьба человека в руках у Господа. Бог знает, сколько кому отмерено... Божью волю нужно принимать с радостью. Нужно всегда радоваться, Турнесол, и за всё благодарить. Даже за плохое...

– Меня зовут Юрген, – он почувствовал, как краска смущения заливает щёки. – Турнесол – наша фамилия.

– У вас прекрасная фамилия, Юрген, солнечно-подсолнечная, – сказала Альбертина. – Благодарю за всё, что вы для нас делаете. Мне было бы невыносимо трудно побороть уныние, если бы не ваши ежедневные дары, ваши подсолнечные букеты.

– Что вы, мы ничего такого не делаем, – воскликнул Юрген, краснея ещё сильнее. – Это вам спасибо, что так встречаете меня. Если синьору Альберено нужна будет помощь, мы сделаем всё, что в наших силах...

– Я передам ваши слова папе. Благодарю вас, Юрген, за добросердечие. Приходите завтра, – она протянула ему руку. Он неумело ткнулся в неё губами и убежал.

Потом он долго сидел на горбатом мостике, свесив ноги вниз и повторял:

– Тур-не-сол, тур-не-сол... под-сол-нух...

Якобело Альберено умер неожиданно. Казалось, болезнь отступила, уступив место жизненной силе и любви. Художник поднялся с постели, взялся за кисти. Написал несколько прекрасных картин с подсолнухами, получил заказ от знатного вельможи и даже сделал карандашные наброски для будущего семейного портрета заказчика, но закончить полотно в красках не успел. Остановилось сердце. Альберено умер за мольбертом с кистью в руке.

Похороны превратились в бесконечную траурную процессию, перетекающую с земли на воду и обратно. Большие желтые подсолнухи лежали поверх чёрной ткани, прикрывающей гроб художника. Альбертина, одетая в чёрное глухое платье, казалась траурной фигурой, выточенной на носу гондолы. Она впервые не улыбалась, не говорила, не шевелилась. Скорбь сделала её взрослой, придала лицу строгость и отрешенность. Огонёк радости, светящийся изнутри, погас, глаза потускнели, приобрели тёмно-зелёный оттенок, стали похожими на воду в Гранд Канале, по которому двигался траурный кортеж чёрных гондол. Юрген плакал и не стыдился своих слёз. Он не знал, как помочь Альбертине, и от этого скорбь умножилась...

После похорон Альбертина остановилась у ворот дома и, глядя мимо Юргена, сказала чужим, бесцветным голосом:

– Нам придётся покинуть Венецию, потому что теперь нам нечем будет платить за дом.

– Куда вы поедете? – спросил Юрген растерянно. Земля ушла у него из под ног.

– Не знаю... Мне всё равно, – ответила Альбертина, глядя мимо него. – Теперь всё в моей жизни потеряло смысл... Всё...

– Нет, Альбертина, нет! – он схватил её за руки, заговорил с жаром. – Так нельзя. Твой отец не одобрил бы твоего уныния. Он любил жизнь. Он воспевал её красоту. Он стремился показать нам в своих картинах, как прекрасен наш мир, как прекрасна Венеция... Тебе не следует терять свою солнечность и превращаться в чёрную фигуру скорби. Ты не смеешь так поступать. Господь не этого ждёт от тебя...

– Откуда ты знаешь, что от меня ждёт Господь? – спросила она.

– Я много читаю духовной литературы, хожу в Духовную семинарию, – соврал Юрген. – Там нам говорят, что Бог любит всех нас, что у Него свой план для каждого из нас. Нам нужно принимать Божью волю и терпеливо ждать помощи от Бога.

– Ждать в терпении, – повторила Альбертина. Посмотрела на Юргена. – Молись за меня, Турнесол.

– Хорошо, – он кивнул. – Но ты и сама можешь за себя молиться. Ты не должна умирать, Альбертина. Ты должна жить, чтобы сохранить память о своём любимом отце, чтобы передать своим детям всё, чему Якобело Альберено научил тебя...

– Он меня ничему не учил... – проговорила она отрешённо. Вздрогнула. – Нет, он научил меня главному – любви и вере в то, что всё в нашей жизни подчинено воле Творца. Но... – она уткнулась Юргену в грудь и разрыдалась. – Господи, почему всё так несправедливо? Почему? Я не хочу уезжать, не хочу прощаться с Венецией, с тобой, с Рио... Но я должна уехать... Должна, потому что так велит синьора Коронела Альберено – моя мать...

Юрген больше не находил слов для утешения. Горячие слёзы Альбертины проникали через одежду, жгли его сердце. Он плакал вместе с нею, оплакивал свою любовь к этой хрупкой девочке, этому неземному существу, на долю которого выпало столько страданий и мучений... Он не сомневался в том, что его влечение к Альбертине это – настоящая любовь на всю жизнь, и не понимал, как жить дальше без этой девочки, без этих чистых чувств, так неожиданно возникших.

Юрген не знал, насколько растянется их с Альбертиной разлука. Не ведал, что будет потом. Узнают ли они друг друга по прошествии нескольких разлучных лет? Смогут ли когда-нибудь быть вместе или всё закончится сейчас у дверей дома Альберено. Мысли сменяли одна другую, перемешивались, не позволяли сосредоточиться на главном:

– Не отпускать... Узнать, куда они едут... Помчаться следом... Стать её неотъемлемой частью... Неотъемлемой...

Уткнувшись в грудь Юргена, Альбертина оплакивала не только смерть отца, но и свои разбитые надежды, свою несостоявшуюся любовь к Марио – Рио. Она понимала, чувствовала, что между ними возникло нечто особенное, не поддающееся пока объяснению. Верила, что всё со временем станет понятным. Но выходило, что теперь поздно искать ответы. Остались только новые чувства и слова:

– Навеки твой...

– Твоя навеки...

– Только смерть разлучит нас...

– Только смерть...

И она их с Марио разлучает. На сколько? Возможно, навсегда. Узнают ли они друг друга после разлуки? Что с ними станет потом?

В сердце Альбертины чернота. Чернота сгущается вокруг неё, сжимает свои смертельные объятия. Покачивается чёрная гондола, покрытая чёрным бархатом... Внутри гроб, как чёрный постамент, а поверх него чёрная клякса на белом листе, превращённая ею в цветок подсолнуха... Турнесол лучиком солнца, лучиком надежды пробивается сквозь эту черноту... Но мутная вода Рио Гранде, Гранд Канала, по которому они плывут, поглощает свет и радость, затуманивает глаза Альбертины, лишает слуха и желания жить... Умереть... Пойти следом за отцом в склеп... Следом...

Альбертина каменеет от горя. Душевная боль делает её бесчувственной ко всему, происходящему снаружи. Она думает об отце. Вспоминает их разговоры о неизбежном финале всего живого. Восстанавливает в памяти разговор, состоявшийся за день до смерти отца.

– Милая моя девочка, я чувствую холод. Я знаю, что меня скоро не станет. Я тороплюсь. Не перебивай меня, слушай и запоминай. Я сделал всё, чтобы вы с мамой ни в чём не нуждались после моего ухода. Но, к сожалению, деньги быстро заканчиваются. Они утекают, как вода по Гранд Каналу. Чем их больше, тем сильнее становится течение, уносящее их, парадокс, – усмехнулся. – Когда-то мы жили с Коронелой в маленьком домике на окраине города и были самыми счастливыми людьми. Нам всего хватало. А сейчас, увы... – покачал головой. – Наш особняк требует много денег. Слуги, кухарки, учителя, наряды, балы... Не буду перечислять всех наших трат, ты всё сама знаешь, дорогая. Мои картины пока ещё не считаются шедеврами. Есть много достойных художников в Венеции, которые по праву занимают главные места. Мне нужно ещё много трудиться, чтобы подняться на одну ступень с ними. Но... Боюсь, у меня нет на это времени. Я останусь на том уровне, которого достиг.

– Отец, но твоими картинами восхищаются! – воскликнула Альбертина.

– Это всего лишь мизерная часть того, что я мог бы сделать, дорогая, – он обнял её. – Да, я расписывал стены дворца. Мне хорошо заплатили. Мы купили этот особняк. Я много работаю на заказ. Это приносит деньги... Но я сейчас говорю тебе не об этом, а о том, что было написано по велению души. Эти мои работы хранятся у синьора Перуджино. Вместе с ними у него хранится сундучок с твоим приданым. Но об этом ты никому не должна говорить, никому и даже своей матери. Поклянись.

– Клянусь, отец, – проговорила она с дрожью в голосе.

Он снял с шеи медальон, внутри которого был спрятан ключ от сундучка, надел его на шею Альбертине, сказал:

– Надеюсь, это поможет тебе, моя дорогая девочка. Я старался изо всех сил, но... Мы не властны над днём смерти и днём рождения... Нагими мы приходим в этот мир, нагими и покидаем его... – усмехнулся. – Нет, после смерти наши бранные тела принаряжают... Нас наряжают в королевские одежды, чтобы мы почувствовали себя королями... Это добавляет комизма в траурную церемонию. Простолюдин становится королём... Королём среди мертвецов...

– Папа, ну зачем ты так? Я хочу, чтобы ты жил долго-долго, чтобы писал свои прекрасные картины. Ты обещал написать мой портрет, а сам...

– О, прости, душа моя. Неси скорее холст и краски. Художник Альберено напишет твой портрет за пару минут!

Этот портрет висит в комнате Альбертины. Отец сумел уловить потаённую грусть в её глазах. На портрете она выглядит старше своих лет. Ей не тринадцать, а намного больше. И сейчас, стоя у дверей дома с Юргеном, Альбертина понимает, что смерть отца сделала её взрослой...

Она отстранилась, вытерла слёзы.

– Спасибо, что утешил меня, Юрген Турнесол. Мне дорога наша дружба. Позволь подарить тебе на память мои локоны, – достала из кармана миниатюрные ножницы, отстригла прядь волос, завернула в белый кружевной платочек с инициалами А. А., поцеловала Юргена в лоб и ушла.

А он долго стоял у дверей дома Альберено, слушал колокольный звон, ждал, что Альбертина выйдет, что назовет точный адрес своего нового места жительства. Но так ничего и не дождался...

Звон разбитого стекла вывел Юргена из оцепенения. Ночь спустилась на Венецию. Нужно было бежать домой. Юрген спрятал локоны Альбертины за пазуху, ощутил такую резкую боль

и отчаяние, что не сдержался, вскрикнул. Осознание того, что он стал взрослым, ударило в солнечное сплетение.

– Детство закончилось, Турнесол. Приготовься к испытаниям, – грянул колокольным звонном голос вечности...

Коронела

Якобело Альберено был сыном богатого вельможи. Выходя за него замуж, Коронела надеялась жить в роскоши. Она не подозревала, что между отцом и сыном возникли серьезные разногласия. Узнав о том, что Якобело увлечен рисованием, отец рассвирепел и отказал сыну в наследстве. Он выселил непокорного отпрыска в маленький домик на окраине города, надеясь, что тот бросит свои художества и займётся важными государственными делами. Но время шло. Якобело свои художества не бросал. Даже женитьба не прибавила ума строптивому отпрыску синьора Альберено.

Безумец Якобело, как его называли в семье, не побоялся привести юную красавицу Коронелу в своё убогое жилище. Он уверил жену, что скоро жизнь их станет другой. Нужно просто немного подождать.

Коронела была обескуражена, но вида не подала. Поначалу она ловко изображала радость. Но со временем театр ей наскучил. Из нежной, любящей синьоры Коронела превратилась в злобную фурию. Бесконечные истерики утомили Якобело. Он намеревался расторгнуть брак, но строгие законы церкви не позволили ему этого сделать. Приходилось терпеть, подстраиваться под своенравную жену, которая становилась всё сварливее и злее.

Рождение дочери Альбертины немного успокоило Коронелу, примирило её с мужем. А когда Якобело получил заказ от дожа на оформление одной из дворцовых комнат, Коронела возликовала. Наконец-то осуществится её заветная мечта жить в роскоши и богатстве. Она нашла один из самых дорогих домов в Венеции неподалеку от площади Сан Марко. Сама занималась обустройством, набирала слуг. На несколько лет мир и покой воцарились в семье Альберено. Коронелу и Якобело считали эталоном для подражания. Никто не подозревал о том, что творится за стенами их роскошного особняка.

Коронела всё больше отдалялась от мужа. Её раздражала его «мазня», так она называла картины Якобело. Она задыхалась от запаха красок, несмотря на то, что его мастерская находилась в другом крыле их огромного дома.

Чтобы поправить здоровье, Коронела совершала прогулки, которые становились продолжительнее день ото дня. Занятый работой Якобело не замечал странного поведения жены. Коронела могла вернуться домой под утро, придумав какую-то нелепую отговорку в своё оправдание. Со временем и отговорки прекратились.

– Я так захотела! – с вызовом выкрикивала она на немой вопрос мужа.

Якобело выволочек жене не устраивал. Не было ни сил, ни времени на ссору. Он предчувствовал, что скоро его земной путь завершится, поэтому важнее для него было позаботиться о дочери и подготовиться к встрече с Вечностью. Странная, неизлечимая болезнь давно поселилась в теле Якобело. Он верил, что победит её. Ему было ради кого жить и бороться. Но последняя ссора с женой его добила. Якобело слёг, а Коронела уехала... к родственникам...

У постели отца дежурила Альбертина. Когда бы он не открыл глаза, она была рядом. Её улыбка, её сияющие любовью глаза вселяли в него надежду на избавление. Но, когда вернулась синьора Коронела, Якобело понял, что смерть для него – избавление. Он больше не сможет жить так, как желает Коронела. А она с изрядной долей цинизма заявила:

– Я не собираюсь нянчиться с тобой, дорогой. Мне нужен крепкий, сильный, богатый человек, а не больной нищий художник, пропахший лекарствами...

Он ничего ей не сказал. Зачем? Его слова она не услышит. А вот Господь услышит и пошлёт спасение. Так и произошло. Букет подсолнухов, принесённый Турнесолом, явился знаменем, доброй вестью. Якобело почувствовал прилив сил, поднялся. Знал, что нужно спешить. Время ему дается для того, чтобы привести в порядок все бумаги. Он написал завещание

в пользу дочери. Отправил синьору Перуджино шкатулку и картину для Альбертины. Взялся писать портрет семейства Мелькомоено, за который ему щедро заплатили вперёд.

– Хорошо, что ты поправился, – сказала Коронела, забрав деньги. – Мой отъезд не станет для тебя трагедией.

– Отъезд?! Куда ты собралась на этот раз? – спросил он растерянно.

– Далеко, – с вызовом ответила она. – Мне надоела Венеция. Сырость, вонь из грязных каналов, фальшивая помпезность меня убивают. Я хочу настоящей роскоши. Хочу блистать на балах, одеваться в дорогие наряды, носить дорогие украшения, гулять по паркам Версаля... – замолчала, поняв, что сболтнула лишнего.

– Альбертина останется со мной, – заявил Якобело. – Девочке ни к чему смотреть на безнравственное поведение своей матери.

– Не имею ничего против, – Коронела скривилась. – Альбертина – твоя дочь. Воспитывай её так, как сочтёшь нужным. А я рожу ещё детей, если понадобится.

– Прекрасно, – он поднялся.

– Сядь, – приказала она. – Ты должен дать мне разрешение на развод.

– Не сегодня...

– Сейчас! – она стукнула кулаком по столу. – Или я придушу тебя...

Якобело побледнел и упал на пол. Слуги отнесли его в комнату, положили на кровать.

– Вам нельзя волноваться, иначе... – сказал доктор, когда Якобело открыл глаза.

– Знаю, – еле слышно проговорил художник.

– Вам нужно лежать...

– Не имею права. У меня не завершён заказ...

– Что вам дороже: жизнь или...

– Или, доктор, – Якобело поднялся. – К сожалению на данный момент деньги важнее жизни. Я не имею права оставлять неоплаченные долги. Я не хочу, чтобы моя жена попала в долговую тюрьму. Простите...

– Сочувствую вам, держитесь... – доктор ушёл.

Якобело развел краски, сел к мольберту, сделал несколько мазков и замер. Острая стрела вонзилась между лопаток. Ярчайшая вспышка света ослепила его.

– Пора... – пропел ангельский голос. – Пора... Якобело, ты загостился здесь...

Звон разбитого стекла заставил его повернуть голову. В комнату вбежала Альбертина. Он не увидел лица дочери. Только размытый силуэт. Улыбнулся из последних сил, выдохнул: люблю... и уронил голову на грудь.

Всё, что происходило потом, было похоже на меняющиеся картинки: слуги, доктор, дочь, жена, мертвецкая, странные люди с серыми угрюмыми лицами, свет, колокола, чёрный бархат, тёмно-зеленая вода, чёрная гондола, подсолнухи, огонь и тишина. Траурная процессия движется молча с земли на воду и обратно. Над всеми возвышается закутанная в чёрное платье фигурка Альбертины, скорбь, отчаяние и слёзы...

– Не плачь, моя девочка, – кричит он ей с небес, с белых облаков. Но она не слышит. – Не плачь, Альбертина. Мы ещё встретимся. Жизнь не заканчивается, не заканчивается, нет...

– Альбертина, я продаю дом, – взяв дочь за руку, сказала Коронела. – Ты должна меня понять. Так будет лучше. Мы не сможем оплачивать счета. Мы не сможем содержать столько слуг. Мы потратили слишком много денег на похороны твоего отца.

– Да, мама, да... – проговорила Альбертина, вздрогнула, испугавшись своего голоса. Он стал чужим, далеким, неузнаваемым, словно шёл из-под земли. Словно она сейчас там, вместе с отцом в чёрном гробу, заваленном землей. Ей всё безразлично. Всё...

– Завтра мы уезжаем, Альбертина, – голос матери выводит её из оцепенения.

– Завтра?! Но, почему...

– Не смей задавать глупые вопросы, – зашипела на дочь Коронела. – Не раздражай меня... Мне и без тебя тошно. Я только что похоронила мужа, а ты...

– А я попрощалась с отцом, – сказала Альбертина так, что Коронела побледнела.

– В этом ангелочке сидит демон, – подумала она. – С этой девчонкой нужно быть осторожней. Ах, как же быстро она выросла... Как быстро...

Коронела обняла дочь, сказала:

– Всё будет хорошо, дорогая, не плачь. Мы справимся с потерей... Держись...

– Хорошо... Ма-ма... – еле слышно проговорила Альбертина.

Проводив дочь до дома, Коронела побежала на встречу с графом Сансавино.

– Траур тебе к лицу, – сказал граф, поцеловав её руку. – Ты сказала ей?

– Да. И выпустила на волю демона, – Коронела поёжилась. – Альбертина выросла. Ей уже тринадцать... – улыбнулась. – Самое время выдать её замуж и получить хорошее приданое.

– Мысль прекрасная, но сейчас нам нужно завершить сделку с продажей дома. Покупатель торопит, спрашивает, когда вы сможете освободить дом? – граф не был расположен к сентиментальным беседам.

– Завтра к полудню, милый, – голос Коронелы стал нежным.

– Прекрасно, – граф улыбнулся. – Завтра к полудню мы станем баснословно богатыми людьми, дорогая. И тогда наше счастье будет безграничным. Тогда мы наконец-то насладимся друг другом.

– О, не терзай мою душу, Николо. Я же в трауре, – она приложила платочек к глазам, протянула ему руку в чёрной кружевной перчатке. Он приспустил её, поцеловал белую изнеженную кожу, посмотрел на Коронелу с вождением:

– Ради этого стоит жить, моя прелесть, – прошептал он.

– Стоит... – выдохнула она, прижавшись к нему всем телом.

Они не знали, что Якобело Альберено смотрит на них с небес, но оба почувствовали что-то неладное. Где-то неподалеку разбилось стекло, запели колокола.

– Я пойду, милый, мне что-то не по себе, – сказала Коронела. – До завтра...

– До полудня, любовь моя...

Коронела Альберено вернулась домой. Увидела дочь, сидящую на ступенях крыльца, села рядом, взяла её за руку, попросила:

– Расскажи обо всём, что тебя тревожит, деточка.

– Мне грустно от того, что мы должны уезжать так скоро, – сказала Альбертина. – Дух отца ещё здесь, с нами. Я его чувствую...

– Хватит болтать вздор! – закричала Коронела, вскочив. – Занятия теософией были лишними. Тебе вбили в голову всякий вздор. Дух витает... Нет никаких духов, запомни это. И не смей мне больше морочить голову всякой ерундой. Пойди лучше собери свои вещи, которые хочешь взять с собой. Только бери самое необходимое. У нас нет места для сундуков, запомни это.

– Хорошо, – Альберитина поднялась.

– Завтра в полдень мы должны уехать, – сказала Коронела бесцветным голосом. – Не спрашивай меня, куда. Потом всё узнаешь.

– Хорошо... – Альберитина пошла собирать вещи.

Коронела закрылась в своей комнате, упала ничком на кровать, разрыдалась.

– Господи, зачем я всё это делаю? Почему я доверилась графу, пошла у него на поводу? Я не уверена в искренности его чувств. Он скользкий, мутный человек. Что, если его титул и его богатство – блеф? Куда я ташу дочь? На что я обрекаю собственного ребенка? Почему я думаю об этом только сейчас? – встала. – Нужно немедленно отменить сделку... Нет... Уже поздно... Мы уже потратили задаток... Расписки, данные покупателю приведут меня в свин-

повую тюрьму Пьёмбо... Нет, – схватилась за голову. – Нет. Боже, какие мрачные мысли меня посещают. А во всём виноват Якобело. Если бы он не поспорил с отцом, то... – спохватилась, прикрыла рот платочком. – Мир твоему праху, мой дорогой супруг. Ты был прекрасным человеком, хорошим художником... Ты любил меня, я это знаю. Прости, что не смогла сделать тебя счастливым. Но и ты не сделал того, чего я от тебя ожидала. Мы квиты, Якобело. Нам не в чем друг друга упрекать. Ты успокоился от мирских забот, а я ещё поживу. Должна же я получить то, чего была лишена все годы жизни с тобой. Пятнадцать лет мы были вместе, Якобело. У нас выросла прекрасная дочь. Я о ней позабочусь, не волнуйся, – вытерла слёзы. – Мне нужно быть сильной. Нужно верить в то, что граф говорит правду. Мы ещё покажем себя. Я стану графиней Сансавино, встану на одну ступень с королем Франции, – закатила глаза. – Николо, потомок королевского рода, как я его обожаю... – испугалась, зажала рот ладошкой. – Милый мой супруг Якобело Альберено, мир твоему праху. Верю, что ты переселился в лучшее место. Ты успокоился, ты, наконец-то, счастлив и любим... А я смертельно устала после твоих похорон. Смертельно... Доброй ночи, мой дорогой... Покойся с миром, Якобело...

Альбертина не спала всю ночь. На рассвете она выскользнула из дома. Мирио уже поджидал её, схватил за руку, потянул за собой. В узком переулке, где на домах не было окон, он прижал Альбертину к груди, заговорил скороговоркой:

– Милая моя, знай, что я всегда буду любить тебя. Всегда. Я найду тебя, Берта, клянусь. Помни, что я жду тебя. Я отдаю тебе ключ, чтобы ты смогла открыть двери моего дома в любое время, – он надел ей на шею ключ на шелковом шнурке. – Да хранит тебя Господь и моя любовь. Бежим прощаться с Венецией...

Они прибежали к заветному месту в тот самый момент, когда солнце выплыло из-за горизонта. Прощальный венецианский поцелуй был таким обжигающим, что оставил рубец на губах Альбертины и Марио.

– Мы обвенчаны, мы теперь навеки вместе, Берта...

– Навеки, Рио...

Колокольный звон разбудил город.

– Прощай, Марио...

– Прощай, Альбертина...

– Прощай Венеция... Прости меня за всё, отец... Прости меня, Рио...

Она развернулась и убежала. Он остался на мосту. Не хотел, чтобы она видела его слёзы. Он не знал, как ему теперь жить без этой девочки, отдавшей ему всю себя без остатка...

Пещера

Профессор Юрген проснулся позже обычного. Долго лежал, вспоминая свой сон. Что-то забылось, что-то врезалось в память. Почему? Встал, пошёл на кухню.

– Жизнь полна загадок. Мистерия со множеством действующих лиц, в которую добавляются всё новые и новые персонажи из снов – сновидений... – усмехнулся. – Видения – привидения, каламбур подвыпившего профессора. Или это разгадка тайны лунного молока? – налил себе кофе. – Выходит, дорогая моя Альбертина, мы с вами знакомы тысячу лет. Хотя, это было понятно сразу с первой минуты, когда я вас увидел. Увидел и умер, а потом воскрес... Итак, вы – дочь художника Альберено. Не знаю, чем занимаются ваши родители в настоящее время. Мы это ни разу не обсуждали. А вот ваши восторженные восклицания по поводу Турнесола схожи с теми тысячеклетней давности восторгами. Интересно, а вы, моя милая девочка, помните наше тысячеклетнее прошлое? Вы видите такие же сны, как я или нет? – сжал виски. – По-моему, я брежу. Нужно как следует отдохнуть. У меня есть два выходных, чтобы восстановиться. Не могу же я в таком состоянии спускаться в пещеру. Я должен быть сильным. Я отвечаю не только за себя, но и за милого Ангелочка. Хотя... – покачал головой. – Альбертина больше похожа на дьяволёнка. С ней раскисать нельзя. Я и не собираюсь раскисать. Я намерен собрать вещи для предстоящего погружения под землю.

Юрген допил кофе, вытащил из кладовки снаряжение, проверил его, поставил на зарядку аккумуляторы, позвонил Альбертине.

– Привет. Не отвлекаю? – спросил он.

– Нет, – она улыбнулась. – Я собирала рюкзак. Поставила на зарядку фонари, пью кофе.

– Отлично, – он тоже улыбнулся. – Думаю, нам нужно взять побольше пробирок и пинцетов, чтобы не переживать, что их не хватит, как это было в прошлый раз, когда мы искали в пещере рачков.

– Я тоже об этом подумала.

– Кого ещё возьмём с собой? – спросил Юрген.

– Никого, – ответила она. – Мы и вдвоём прекрасно справимся. Перуджино будет страховать нас у выхода из пещеры, как в прошлый раз.

– Рад, что мы думаем одинаково, – сказал Юрген.

– Хочешь поехать завтра? – спросила Альбертина.

– А Перуджино согласился? – в голосе Юргена прозвучал даже не вопрос, а утверждение.

Он чувствовал, что сейчас услышит положительный ответ.

– Перуджино ждёт твоего решения, – Альбертина рассмеялась.

– Время согласовали? – голос Юргена стал деловым.

– Согласовали, господин профессор. Отъезд назначен на семь часов тридцать минут, – сообщила Альбертина тоном ответственного секретаря.

– Отлично. Сейчас летаю в лабораторию и возьму всё, что нужно нам для погружения. Обнимаю...

– До завтра, профессор Турнесол...

Дорога до Охотничьей пещеры была долгой. Несколько часов они ехали по горам на стареньком вездеходе Перуджино. Потом разбили палатки, приготовили еду. Сели кушать. Перуджино посмотрел на Юргена и Альбертину исподлобья, сказал:

– Я никак не могу понять, дорогие мои, что влечёт вас во тьму подземную. Зачем вы лезете в недра этих пещер? Опять пропадёте там дня на три, а то и больше. Будете как черви ползать там на пузе, дышать спёртым воздухом ради каких-то микроорганизмов...

– Не каких-то, а лунного молока! – парировал Юрген. – Мы двигаем науку, Перуджино. А ты, мой дорогой Джузеппе, двигаешь рычаги на своём стареньком вездеходе...

– Да без моего вездехода вы бы пропали, – огрызнулся Перуджино.

Был он довольно грузным человеком. Но высокий рост скрывал эту полноту. Добродушное выражение лица добавляло в его облик особый шарм и привлекательность. Перуджино был красивым человеком, перешагнувшим порог пятидесятилетия. Даже когда он сердился, это выглядело трогательно. В такие моменты он был похож на карапуза, у которого отобрали любимую игрушку. Альбертина любила этого смешного великовозрастного малыша, который всю свою жизнь посвятил своей больной маме. Когда её не стало, он сник. Долго не мог справиться с потерей, страдал... А потом купил старенький вездеход и отправился в горы. Возле одной из пещер они встретились с Юргеном. И жизнь стала другой...

– Ты – наша путеводная нить, Джузеппе, – обняв его, сказала Альбертина.

– Не нить, а канат, – поправил её Перуджино. – На ниточке вас двоих не удержать. А если вы ещё бидоны с молоком возьмёте, то мне туго придётся... – улыбнулся. – Вы придумали про молоко, да?

– Нет, – сказала Альбертина. – Мы сюда ради него и приехали. Надеемся, что оно здесь есть. Мы видели образцы лунного молока, держали их в руках и нашли в них особую актино-бактерию, которая способна синтезировать сотню новых антибиотиков.

– Вот оно что! – воскликнул Перуджино. – Да-а-а, ради этого стоит рисковать и превращаться в червяков, ползающих на брюхе под землёй.

– Ты зря так плохо думаешь о пещерах, – проговорил Юрген тоном всезнайки. – Там есть не только опасные колодцы – шкуродёры, где приходится ползти на животе, но ещё имеются и настоящие бальные залы, где можно разместить симфонический оркестр и танцевать, танцевать, танцевать... – он сделал несколько «па».

– Не думаю, что симфонический оркестр захочет спускаться в земные недра, – хмыкнул Перуджино.

– Я тебе о масштабах говорю, а не о перспективах проведения подземных концертов, – огрызнулся Юрген.

– Друзья мои, не ссорьтесь, – попросила Альбертина. – Для меня лично пещера – это живой организм, внутри которого постоянно что-то происходит.

– Постоянное непостоянство, как в моём желудке, – усмехнулся Перуджино.

– Болтун ты, – она улыбнулась. – Всё, я пошла спать. Завтра на рассвете отправляемся за лунным молоком. Надеюсь, что оно здесь есть.

– Оно должно в этой пещере быть, иначе нам хана, – Юрген провёл ладонью по горлу. – Нас обезглавят...

– Не говорите ерунды, профессор, – сказала Альбертина строго. – Не засиживайтесь долго. Помните о предстоящем спуске. Доброй ночи.

– Доброй, – отозвались Перуджино и Юрген.

– Хорошая она. Ангел, а не женщина, – сказал Перуджино, когда Альбертина закрылась в палатке. – Не пойму, почему ты теряешься, Турнесол?

– Я не теряюсь, мой дорогой, я уже потерялся, – Юрген улыбнулся. – Всё совсем не так просто, как может показаться со стороны. Мы с ней знакомы три года, но за это время не сблизились ни на один шаг.

– Почему? – откровение Юргена его удивило. Перуджино нахмурился, подумав о том, что сам он всегда пасовал перед женщинами. Не знал, как вести себя с юными красотками. Ему приятнее было находиться в обществе маминых знакомых, знающих цену словам.

Однажды Перуджино набрался храбрости и сказал лучшей маминной подруге:

– Я люблю тебя, королева Реджина... очень, но...

– Любовь – прекрасна безо всяких но, мой мальчик, – пропела она, поцеловав его в губы.

С тех пор она изредка приглашала его к себе по какому-нибудь неотложному делу, которое заканчивалось пылкой страстной сценой и безмерным счастьем, разливающимся по телу Перуджино. Тайная связь распяляла его, добавляла азарта. Перуджино понимал, что безмерность не может длиться вечно... не должна...

Постепенно их отношения прекратились, хотя любить друг друга они не перестали. Реджина так же нежно целовала его, придумывала милые прозвища, дарила дорогие подарки. Она была старше его мамы на пять лет и ушла из жизни раньше. На похоронах Реджины Перуджино признался матери в их тайной связи.

– Я знала об этом, Джузеппе, – сказала она нежно. – Я рада, что в твоей жизни была такая замечательная, чуткая, нежная душа, которая тебя боготворила. Жаль, что ты не выбрал кого-то из своих сверстниц, чтобы обзавестись детишками, но... не будем об этом. Ты – мужчина. У тебя ещё всё впереди. И в шестьдесят можно стать отцом семейства.

– Думаешь? – спросил он с недоверием.

– Уверена в этом, – поцеловав его, ответила мама.

И вот сейчас он, Перуджино, сидит напротив Юргена, который годится ему в сыновья, и задает волнующий его вопрос:

– Почему ты до сих пор не женишься на Альбертине?

– Она – Ангел, ты прав, – сказала Юрген. – Возможно, в этом и кроется главная причина. Разве можно Ангела заставить жить по мирским законам? Молчишь. Вот и я не знаю, что нужно сделать, чтобы она согласилась стать моей женой. Ладно, – поднялся. – Пойдём спать. Ты-то останешься на солнышке, а нам предстоит вкусить все прелести подземной жизни.

– Вы сами выбрали подземелье. Я вас туда не гоню, – заметил Перуджино.

На рассвете Охотничья пещера приняла Альбертину и Юргена в свои холодные объятия. Узкое горло, по которому они спустились вниз, чуть расширилось, чтобы потом стать ещё уже. Ползком по глине, облепляющей одежду, они добрались до отвесного колодца. Юрген первым спустился на дно, подстраховал Альбертину.

Зал приёмов, так они называли это место, встретил их сыростью и отсутствием белого творожистого налета, ради которого они сюда пришли. Зеленые пятна на стенах пещеры биологи решили пока не трогать. Пошли дальше.

Новый спуск, узкий коридор и колодец привели их во второй зал приёмов. Здесь так же не было следов лунного молока. Третий, пятый, шестой колодцы тоже не порадовали Юргена и Альбертину. Они потеряли счёт времени, но упорно шли всё дальше и дальше вглубь земли. Отдохнуть решили в десятом зале для приёмов.

– Пусть будет ночь, – сказала Альбертина, укладываясь на землю.

– Не возражаю, – Юрген лег рядом. – Проснёшься, буди...

Через несколько часов они отправились дальше. Двадцать пять залов остались позади. Верёвка, которую они привязали у входа в пещеру, практически закончилась.

– Не ожидал, что пещера такая громадная, – сказал Юрген. – Я взял стометровую катушку. Мы размотали уже девяносто шесть метров. Осталось четыре. Рискнём?

– Конечно. Пойдём обратно, когда закончится канат Перуджино, – Альбертина посмотрела на Юргена. – Находясь здесь под землей я постоянно думаю о смерти. Она, словно, идёт за нами следом...

– Её здесь нет, – Юрген улыбнулся. – Просто темнота, сырость, спёртый воздух и безмолвие заставляют нас думать о том, что мы находимся в глубокой могиле. Радует меня то, что мы можем двигаться. Хотя с каждым новым шкуродёром оптимизм мой убавляется. Не хочется думать, что придётся идти обратно без лунного молока. Всё чаще мой разум пронзает игла сомнения: а вдруг лунного молока вовсе нет? Вдруг, твой призрачный друг подшутил над нами? Вдруг, эта пещера – ловушка, и из неё придётся извлекать на свет наши тела, а не акти-

нобактерию? Вдруг пещера не захочет выпускать нас из своих объятий? Мы погибнем, а я так и не узнаю, какая ты на самом деле...

– Профессор Турнесол, ваш пессимизм ни к чему, – сказала Альбертина строго. – Мы выберемся из пещеры. Интуиция подсказывает мне, что мы найдём лунное молоко. Найдём... Я верю в чудо.

– И я в него верю, – сказал Юрген. – Лунное молоко здесь должно быть!

– Должно, – Альбертина улыбнулась. – У нас ещё четыре метра веревки. Мы можем ещё продвинуться вперёд. Пусть сегодня это расстояние будет нашей финальной точкой. Чуть позже мы сможем повторить наше погружение.

– Да, наше погружение повторить можно, а вот смерть никому перехитрить не удастся. Она – финал, финишная точка для каждого из нас... Каждый из нас должен прийти к своему финалу с чем-то... Что положим мы на весы вечности: чистую душу или кошелек с деньгами, радость или отчаяние, страх или веру, любовь или ненависть? Какими будут наши сердца в финале пути: большими или маленькими, изъеденными червями или чистыми без пятен и пороков? – сказал Юрген.

– Ты рассуждаешь, как египтяне, которые взвешивали сердца на весах вечности. Если сердце оказывалось тяжелее перышка, то человека отправляли в Аид – Ад. Если перышко перевешивало, человек отправлялся в небесную страну в Рай, – Альбертина улыбнулась. – Мы с тобой странные люди, Юрген. Добровольно спустились в Аид и ведём разговоры о смерти.

– Мы добровольно спустились под землю не ради праздного любопытства. Цель нашего погружения – лунное молоко. Плюс, это ещё не Аид, а лишь путь в неизведанное, – сказал Юрген. – Вперёд, доктор Альберено. Уверен, удача ждёт нас!

Пятна лунного молока они обнаружили тогда, когда закончилась веревка и пришлось поворачивать обратно. Альбертина подняла голову, чтобы слёзы не пролились из глаз, и под сводами пещеры увидела белый творожистый налет.

– Юр-ге-н-н, смотри-и-и... Это мо-ло-ко... – воскликнула она, не веря своим глазам. – Мы нашли его... Нашли!!!

Юрген поднял голову, залюбовался снежными картинками пещеры.

– Не ожидал, что оно та-а-а-кое прекрасное, – сказал он. – Достать его нам будет сложно, но мы постараемся это сделать.

Пока Юрген выдалбливал ступени, чтобы подняться к потолку пещеры, Альбертина обжигала пробирки и пинцеты для сбора лунного молока...

Счастье и радость светились на лицах Юргена и Альбертины, когда они появились из-под земли.

– Миссия оказалась выполнимой! – воскликнул Перуджино, увидев их. – Ну, где бидоны с молоком?

– Вот они, – Юрген поставил перед ним чемоданчик с пробирками.

– Что-то я здесь ничего лунного не нахожу, – проговорил Перуджино, разглядывая содержимое.

– А здесь? – Альбертина протянула ему фотоаппарат.

– О-о-о! Это впечатляет, – воскликнул Перуджино. – Сказка лунной ночи, я бы сказал. Вы – счастливики. Такую красоту отыскали, и где? Правильно, в земных недрах! Но даже ради этой сказки я ни за что не пойду в чрево пещеры. У меня клаустрофобия с детства. И, вообще, я темноты боюсь. Я предпочитаю свет, огонь, теплоту и широту, чтобы было где разгуляться. Ладно, переодевайтесь. А то вы на терракотовых воинов китайского императора похожи, – улыбнулся.

– Сколько мы пробыли в пещере? – спросил Юрген.

– Два с половиной дня. И, как всегда, не заметили этого, – ответил Перуджино. – Счастливые не замечают ни времени, ни сроков, а только радуются счастью своему. Сварю вам кофе, а потом свернем наш лагерь. Очень домой хочется. Друзья ждут моих новых сказок про духов, живущих под землей.

– Что ты им на этот раз расскажешь? – спросила Альбертина.

– Правду, – ответил Перуджино таинственным тоном.

– Правду о чём? – поинтересовался Юрген.

– Правду о лунном молоке, которое понадобилось принцессе Альбертине. Храбрый принц Юрген отправился за молоком в Охотничью пещеру. Он подвергал свою жизнь опасности, пробираясь по узким лазам подземелья. Отчаяние овладевало им. Он хотел уже повернуть обратно, но встретил Ангела пещеры, который и помог ему найти лунное молоко, – Перуджино поднял вверх указательный палец. – А финал сказки будет таким: принцесса полюбила храброго Юргена и вышла за него замуж.

– Неожиданно, но с намёком, – Юрген улыбнулся. – Мне нравится твоя сказка, дружище. А вам, доктор Альберено?

– Над финалом нужно немного поработать, – ответила Альбертина.

– Я понял! – Перуджино стукнул себя ладошкой по лбу. – Конечно, в сказке ничего не сказано, про огнедышащего дракона, которого принцесса Альбертина пообещала напоить лунным молоком, чтобы он не вмешивался в королевские дела...

– Огнедышащий Перуджино, заводи уже свой вездеход, поехали, – рассмеялась Альбертина...

Граф Сансавино

Деньги, полученные от продажи дома семьи Альберено, граф Сансавино взял себе.

– Так будет надежнее, – сказал он Коронеле.

Но она всё же настояла на том, чтобы граф выделил ей небольшую сумму на непредвиденные потребности Альбертины. Коронела знала, что девочка никогда ничего просить не станет. Это был хороший предлог выудить у Сансавино деньги. Конечно, ей было бы приятнее иметь всю сумму, но... Игра, которую они с графом затеяли, требовала послушания.

Коронела уселась в карету рядом с Альбертиной. Та была похожа на безликую тень. Сидела в уголке, прижав к груди небольшой сундучок со своими драгоценностями. Ни звука, ни истерик – тишина. Поначалу это Коронелу радовало. Но по мере удаления от Венеции, радость сменилась отчаянием. Альбертина словно застыла. Она не реагировала ни на что, и почти не дышала. Лицо становилось всё бледнее. Нужно было что-то делать, чтобы вывести девочку из состояния шока.

Но граф опасений синьоры Альберено не разделял. Его занимали другие, более важные мысли. Он добился главного – получил деньги и теперь синьора с дочерью становились для него обузой, балластом, от которого хотелось поскорее избавиться.

Коронелу он давно списал со счетов, оставалось довершить свой коварный замысел. А вот что делать с Альбертиной, он ещё не решил. Девочка ему приглянулась. Захотелось отведать запретный плод. Но пока рядом находится мамаша, совратить Альбертину ему не удастся. Значит, придётся от Коронелы избавиться.

– Не пора ли нам сделать остановку? – спросила Коронела. – Нам нужно отдохнуть от утомительной дороги. Я хочу есть. Я хочу лечь в кровать. Я хочу...

– Все желания моей дорогой королевы будут выполнены, как только мы доберёмся до первого постоянного двора, – с подобострастной улыбкой проговорил граф.

– Постоялого двора?! – Коронела задохнулась. – Граф, Вы в своём уме? Я – знатная синьора, а не какая-нибудь уличная девка, которую можно привести на постоянный двор. К тому же, моя дочь...

– Коронела, если Вы не хотите отдыхать, так и скажите, – прервал он её тираду. Лицо стало злым. Он едва не потерял самообладание. – К сожалению, Вы пока ещё не королева Франции, а просто знатная синьора, поэтому должны довольствоваться тем же, чем довольствуются простые люди, которые, замечу, ничуть не хуже Вас. К тому же, на постоянных дворах есть специальные комнаты для таких особенных гостей, как Вы и Ваша дочь. Комфорт зависит от тяжести Вашего кошелька.

– Наши прекрасные условия будут оплачены из Вашего кошелька, в котором лежат мои деньги, граф, – парировала Коронела с вызовом посмотрев на Сансавино. На лице выступили багровые пятна. Мысль о том, что она совершила грандиозную глупость, доверившись графу, ударила ножом в спину. Нужно срочно отобрать у него деньги, – решила Коронела.

– Не злитесь, моя королева, Вам это не идёт, – сказал он нежно, поцеловал кончики её пальцев. – Вы всегда были такой весёлой, игривой, жизнерадостной, а сейчас... – скривился. – Не превращайтесь в старую брюзгу, в чёрную вдовушку в старомодном чепце. Вы созданы для того, чтобы блистать. Париж падёт к Вашим ногам, Коронела. Сам король Франции преклонит колени перед Вашей красотой. Потерпите немного. Тяготы пути кого угодно могут расстроить. Я понимаю это, поэтому не сержусь на Вас, любовь моя. И Вы не должны сердиться на мою невинную оговорку. Будьте снисходительной к своему маленькому пажу, – поцеловал её в ладонь.

– Я Вас прощаю, граф, – она улыбнулась. Сердце оттаяло. Граф знал её слабые места и ловко играл на струнах тщеславия и гордыни синьоры Альберено...

Постоялых дворов на их пути к Парижу было много. Граф брал две комнаты напротив. Ночью Коронела приходила к нему и оставалась до рассвета. Любовные утхи притупили её настороженность. Она не заметила, как граф налил ей в вино яд. Поняла это, когда проснулась от сильного жжения в груди. Посмотрела на себя в зеркало, ужаснулась: лицо покрылось синими пятнами. Точно такие же пятна выступили на лице её супруга Якобело за несколько часов до смерти.

Коронеле стало страшно. Подливая яд в вино супурга, она не думала о возмездии. Ей хотелось поскорее избавиться от Якобело и стать королевой Франции, как обещал граф. Осознание того, что слова Сансавино всего лишь фарс, пришло к ней слишком поздно. Короны и трона ей не видать никогда. А вот смерть уже рядом. Успеть бы предостеречь Альбертину.

Коронела побежала в свою комнату, растолкала спящую дочь.

– Просыпайся, просыпайся скорее, мне нужно о многом рассказать тебе, – заговорила она с придыханием. – Прости меня за всё, дорогая. Граф мерзавец... Он отнял у меня не только дом и деньги, но ещё и жизнь. Он меня отравил. Я умираю... Берегись его, Альбертина. Возвращайся обратно в Венецию. Там ты найдёшь своё счастье. Требуешь, чтобы граф похоронил меня в Венеции рядом с твоим отцом. Поклянись, что выполнишь мою просьбу.

– Мама, нет, я не хочу, чтобы ты умирала, – простонала Альбертина. – Я люблю тебя, мамочка...

Дверь открылась, вошел граф. Раздраженно воскликнул:

– Что я вижу? Вы ещё не одеты, синьора? Потрудитесь...

– Мерзавец, – выдохнула Коронела и бросилась на него с кулаками, но рухнула лицом вниз.

Неистовый вопль переполошил постоялый двор. Это кричала Альбертина. Она вместо матери вцепилась в лицо графа. Она выла и царапалась, а он хохотал. Знал, что ему ничего не грозит. Деньги сделают своё дело. Свидетелей не будет, никто не обвинит Сансавино ни в чём. Коронелу отвезут на кладбище для бродяг, а девочку он отвезёт в монастырь. Ему не нужна эта дикая кошка, обезумевшая от горя. Искать Коронелу и девочку некому. О том, что они уехали вместе с графом Сансавино не знает никто. Он постарался соблюсти меры предосторожности. И вдобавок ко всему он просто выдумал своё звучное имя. На самом деле никакого графа Сансавино не существует, а есть охотник за богатыми невестами и вдовами Якоб Борзини, у которого в запасе ещё целый список имен и титулов на любой вкус.

Он изловчился, скрутил Альбертину, бросил на кровать, приказал:

– Замолчи. Твоей матери нужна помощь. Я должен позвать доктора...

Дальше она ничего не слышала. Звуки исчезли. Зрение притупилось. Всё стало размытым, туманным.

Какие-то люди унесли тело матери. Хозяйка постоялого двора собрала вещи, проводила Альбертину до кареты, что-то вложила ей в руки, поцеловала в лоб. Карета долго тряслась по ухабистой дороге, лишая девочку последних сил.

Граф сидел напротив чёрным бесформенным пятном. Молчал. Заговорил, когда карета остановилась. Но Альбертина не поняла ни слова. Просто вышла из кареты и пошла следом за ним к массивным воротам, которые были открыты ровно настолько, чтобы девочка смогла пройти внутрь. Когда ворота за спиной Альбертины закрылись, к ней вернулись слух и зрение. Она поняла, что граф привёз её в монастырский скит. Непроходимый лес и высокий забор оберегают послушниц от мирской суеты. Здесь внутри совсем другой мир. Здесь царят спокойствие и благодать.

Монахини столпились вокруг девочки. Смотрели на неё с удивлением и повторяли друг за другом:

– Она из Венеции... О, это – на краю земли...

– Как ты сюда попала?

– Почему ты одна, детка?

Альбертина молчала. Она не хотела больше говорить ни с кем. Она умерла. Умерла дважды, когда хоронили отца и когда не стало мамы. Для всех, живущих здесь, её нет. Она жива только для Марио и Юргена, которые по-настоящему её любят. Она не знает, смогут ли они когда-нибудь встретиться снова. Сможет ли она вернуться в Венецию? Сумеет ли открыть железный засов предательства и отомстить графу? Ясно одно, она будет жить на земле до тех пор, пока её душу Господь не призовет на суд. Божий суд Альбертину не пугает. Всё самое страшное в её жизни уже совершилось. Она лишена возможности быть счастливой, любить и радоваться жизни в прекрасном городе по имени Венеция. Она осталась одна в этом мире лжи, коварства, предательства и злобы. Да, её окружают люди. Но они – чужие... Родных, дорогих её сердцу людей больше нет на земле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.